

Олег Валерьевич Фомин-Шахов –

культуролог, директор Центра биополитических экспертиз, председатель АНО в защиту Традиции и семейных ценностей «Третий Муром», арт-директор Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «ЗА ЖИЗНЬ», шеф-редактор газеты «Вифлеемский глас»

Русский уклад в XXI веке

Понять уклад

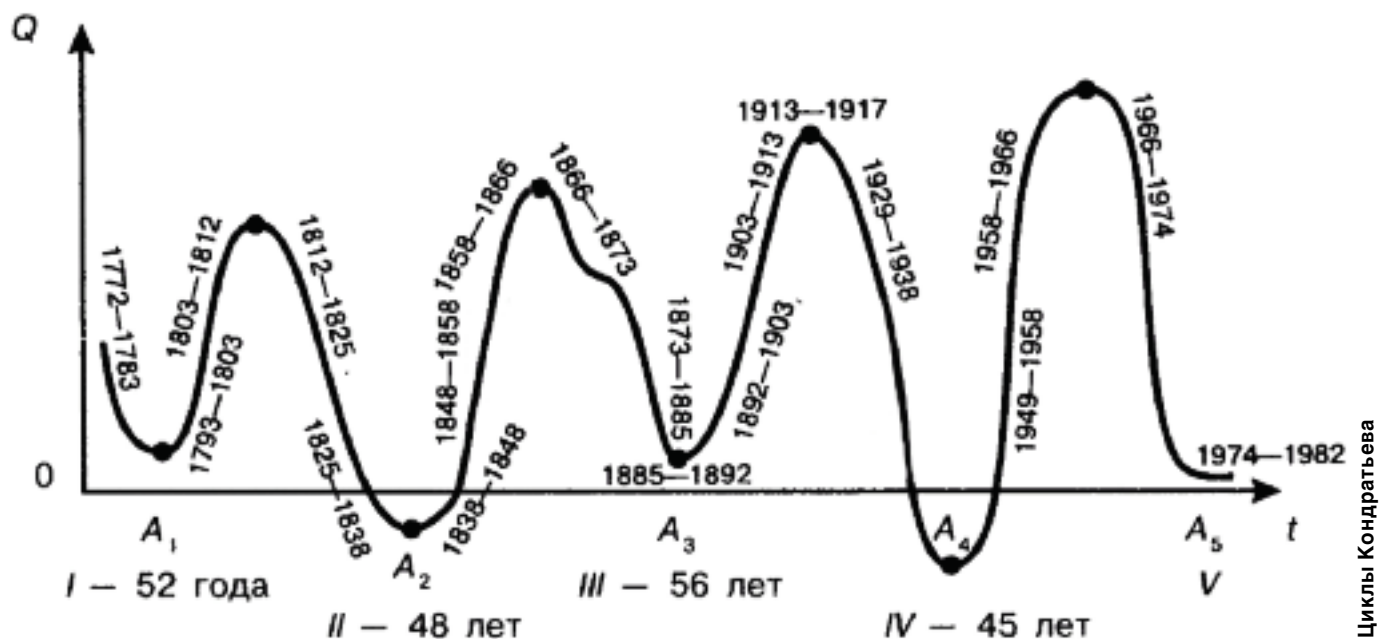
При слове «уклад» из нашей памяти услужливо выныривают пресловутые самовар, печь, лапти, матрешка, балалайка. Мы привыкли считать уклад синонимом старины, ретро, архаики. Но уклад может быть и индустриальным — с дымящими трубами заводов и нехлипкими бабами на разгрузке вагонов. Уклад может быть и информационным — с полной компьютеризацией, автоматизацией. Уклад, наконец, может быть нанотехнологическим.

Иными словами, уклад — это всего лишь культурно-хозяйственное устройство жизни. А вот каким он будет, уже всецело зависит от нас самих. Существует множество пониманий и определений уклада. В отдельных случаях на первый план выходят социально-культурные, в других — экономико-технологические детерминанты.

В структуре уклада можно выделить:

- ♦ культуру духовную (метафизика, традиции, ценности, социальные нормы, литература и искусство);
- ♦ культуру материальную (всё то, что в рамках текущего уклада произведено человеком);
- ♦ средства и способ производства (то, чем и как произвел всё это человек).

Есть соблазн, чисто модернистский, сказать, что уклад — это своего рода функция от средств и способа производства и потребления. Однако было бы ошибочным полагать, что мы пытаемся осмыслить уклад через жесткий односторонне направленный материально-экономический детерминизм. Сам по себе такого рода подход ложен и безрезультативен — подобно попытке решить, бытие ли определяет сознание или сознание бытие. Культура духовная связана с культурой материальной, а культура материальная связана со средствами и способом производства. Но при этом одно не происходит от другого. Тем более в какой бы

то ни было временной последовательности. Правильнее было бы сказать, что все три названных компонента в структуре уклада развиваются одновременно, будучи взаимосвязанными и взаимоопределяющими.

Развитие укладов именовать «прогрессом» было бы неточно, поскольку это определение нагружено определенными оценочными смыслами, подразумевающими некую позитивную технологическую эволюцию во благо человека. Корректнее говорить об адаптации укладов под влиянием изменений — прежде всего климатических, демографических и ресурсно-сырьевых. Принято классификационное деление укладов на:

- ♦ доиндустриальный (аграрный);
- ♦ индустриальный;
- ♦ постиндустриальный (информационный).

С известной натяжкой, присущей любым схемам, и множеством оговорок эти три уклада можно соотнести с тремя онтологическими парадигмами — Премодерн (Традиция), Модерн, Постмодерн. Современные экономисты и обществоведы ведут отсчет укладов от начала индустриальной революции, как будто отказываясь замечать всё то, что ей предшествовало.

Длинная волна охватывает период примерно в 50 лет с некоторыми отклонениями. Внутри нее существует несколько фаз, или волн, — повышательных и понижительных.

Считается, что сейчас мы находимся в самом начале шестого — нанотехнологического — уклада (с 2011 года), которому предшествовал пятый уклад — компьютеризации и телекоммуникации (примерно с 1971 года). Соответственно им последовательно предшествовали: четвертый уклад — нефти и ленточного конвейера (примерно с 1908 года), третий уклад — стали (примерно с 1875 года), второй уклад — пара (примерно с 1825 года), первый уклад — рождения фабрики (примерно с 1772 года).

Можно было бы назвать доиндустриальную фазу уклада нулевым укладом, или укладом-ноль. Однако и здесь мы находим не один, а несколько последовательно сменяющих друг друга укладов: охота и собирательство, огородничество, скотоводство, земледелие.

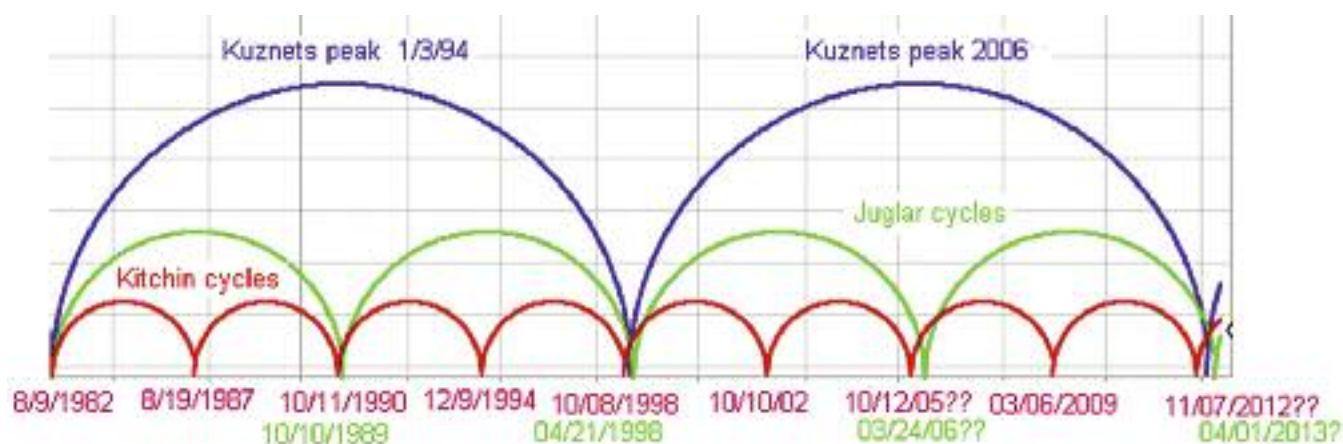
Помимо этой основополагающей классификации укладов существует также более частная классификация, в которой понятие «уклад» отчасти приближается к понятию «культура». Например, уклад степных кочевников-скотоводов или уклад приморской рыболовецкой артели. Можно вы-

делять и еще более частные типы укладов, связанные с конкретными историческими, географическими и другими обстоятельствами.

Нельзя сказать, что уклады возникают волюнтаристски, по чьей-либо прихоти. А если и возникают, то мы получаем псевдоморфозу, о которой писал Освальд Шпенглер, разбирая, в частности, культуру петровской Руси, когда на аутентичную культуру, подобно европейскому камзолу, была напялена неорганичная форма. Однако укладу можно, исходя из объективных обстоятельств, придать «наклонение», вывести на передний план один из ключевых факторов.

«Длинные волны» и «слоеный пирог»

Выдающийся советский экономист и общественно-политический деятель, аграрий Николай Кондратьев создал теорию экономических циклов, именуемых сегодня «волнами Кондратьева», или «длинными волнами». Исследовав большой объем статистических данных, касающихся экономических показателей, — на материале четырех стран почти за

Короткие волны внутри кондратьевского цикла, вероятно, можно соотнести с циклами Китчина, связанными с временными лагами в циркуляции информации на рынке. Не менее важны циклы Кузнеця, составляющие от половины до трети кондратьевской волны и определяющие связь между экономическим ростом и естественным приростом населения или общим приростом.

150 лет, — Кондратьев пришел к выводу, что экономические подъемы и спады цикличны, связаны с инновациями в области средств и способов производства. На сегодняшний день в экономике выявлено несколько таких циклов (циклы Китчина, Жюгляра, Кузнеця) и в том числе цикл Кондратьева, наибольший из них. Длинная волна охватывает период примерно в 50 лет с некоторыми отклонениями. Внутри нее существует несколько фаз, или волн, — повышательных и понижающих. Есть мнение, что короткие волны внутри кондратьевского цикла можно соотнести с циклами Китчина, связанными с временными лагами в циркуляции информации на рынке. Не менее важны циклы Кузнеця, составляющие от половины до трети кондратьевской волны. Циклы Кузнеця — демографические, они определяют связь между экономическим ростом и естественным приростом населения или общим приростом (за счет мигрантов). Длинные волны Кондратьева принято соотносить с укладами. Вообще это отдельный

вопрос, насколько могут быть сближены, а насколько противопоставлены такие понятия, как «культура», «уклад» и собственно «длинные волны» Кондратьева. Нам кажется, что в отдельных случаях они могут выступать как синонимы, поскольку узус первых двух понятий довольно размыт ввиду их терминологической неопределенности. Предполагается, что начало новому укладу кладет подъем волны инноваций в области средств и способов производства. Однако уклады не возникают механически. Нельзя сказать, что до такой-то даты мы жили в одном укладе, а после нее перешли в другой. Процесс этот континуален. Тем не менее некоторые исследователи говорят о дискретности укладов, под которой следует понимать то, что всплеск первичных инноваций — или, как их еще называют, закрывающих (закрывающих предыдущий уклад и связанные с ним рабочие места) или прорывных технологий — порождает новые средства и способы производства, новые экономические фор-

мы, по сути идущие вразрез с прежним укладом. Но это не дело одного дня или даже года. Уклады взаимопроникают друг друга, сосуществуют друг с другом синхронно, возникают в виде предпосылок задолго до пика своей волны и продолжают существовать во время пиков волн приходящих им на смену новых укладов. Каждый раз, таким образом, одновременно на одной и той же территории мы имеем дело не с одним укладом, а с их сосуществованием — своего рода «слоеным пирогом». Кроме того, в центре и на периферии страны, понятой как единое экономическое пространство, уклады — точнее, их «слоенные пироги» — почти всегда по понятным причинам будут различаться. Периферия инертна и консервативна. Поэтому там будут встречаться «слоенные пироги» без нового слоя. А в центре будут «слоенные пироги» без старых слоев. Центр всегда тяготеет к инновации как способу решить накопившиеся экономические проблемы радикально, качественным путем. Прекрытие старых технологий осуществляется в центре (или центрах) более радикально, поэтому в «слоеном пироге» укладов центра будут отсутствовать наиболее старые слои. В частности, в городах, особенно крупных, почти всегда отсутствуют доиндустриальные слои.

Вызовы шестого уклада

В шестом укладе число рабочих мест будет сокращаться в разы. Это значит, что в городе окажется много лишних ртов, что приведет к демографическим, а затем, с большой долей вероятности, к социальным и политическим нестроениям. Целые отрасли прежней индустрии канут в небытие, миллионы людей потеряют средства к существованию, и государство окажется один на один с голодной и постепенно звереющей толпой. Как писал Кондратьев: «Социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых экономических сил».

Сегодня мы находимся на развилке: либо принять на вооружение демографические методы негативной практической биополитики (депопуляция за счет абортов, контрацепции, стерилизационных программ), чего мы себе не только как православные христиане, но и как патриоты России и нашего многонационального русского народа позволить не можем, поскольку это приведет к демографическому коллапсу и утрате территорий, а вслед за ней — постыдной жизни в резервациях, либо воспользоваться самой ситуацией набирающего силу шестого уклада и трансформировать наш быт. Иными словами — модифицировать уклад. В ситуации постиндустриального общества у нас есть все возможности вернуться в аграрный уклад на новом витке — с новыми идеями эффективной и малозатратной, а то и — со временем — полностью автоматизированной обработки земли, с новыми энергоресурсными технологиями, Интернетом, новейшим экологичным транспортом.

Деревню у нас долго и систематически убивали весь период индустриализации, ког-

да в городе для подъема производства была нужна рабочая сила. Сегодня часто с ностальгирующими нотками говорят о возрождении русской деревни. Но чтобы возродить деревню, на самом деле не нужно предпринимать никаких волевых усилий, сгонять людей на село методами Мао, расправившегося таким образом с хунвейбинами, или, скажем, проводить насильственную деурбанизацию, к которой утопически призывал в первой трети прошлого века Александр Чаянов. Сама ситуация безработицы, нарастающей в связи с подъемом шестого уклада, сменой средств и способов производства, вытолкнет людей на село, где есть возможность добывать себе хлеб своими руками. И вот тут-то важно этот процесс возглавить и скорректировать, придать объективному стихийному исходу на землю правильный инновационный импульс, чтобы получить на селе рост и развитие, а не прозябание и последующую деградацию. И раз уж мы сослались на Чаянова и его проект по развитию села, выглядевший почти сто лет назад утопически, то сегодня, когда его реализации ничего не мешает, самое время вспомнить о нем.

Вспомнить Чаянова

Труды этого выдающегося ученого-экономиста, основателя научной школы сельского хозяйства актуальны сегодня даже больше, чем в то время, когда они были написаны. Следует отметить, что Чаянов помимо прочего был известным краеведом, москвоведом, членом комиссии «Старая Москва», искусствоведем, тонким писателем-фантастом. Из-под его пера вышел ряд удивительных мистических повестей в духе Владимира Одоевского. Существует мнение, что они повлияли на Михаила Булгакова. Чаянов, уче-

ный-аграрий с мировым именем, сторонник идеи экономической автаркии больших пространств, известен и как политик. Видный работник кооперативного движения России после Февральской революции, член Учредительного собрания, в 1921–1923 годах он становится членом коллегии Наркомзема РСФСР. В 1930 году за взгляды на развитие сельского хозяйства, несовместимые с планами варварской коллективизации, Чаянов был арестован, а в 1937 году по сфабрикованному делу о так называемой Трудовой крестьянской партии расстрелян. При этом, как пишет исследователь его наследия Леонид Чертков: «Есть глухие сведения о том, что Чаянов по специальному заданию Сталина написал в конце 1920-х книгу “Автаркия” — изолированное государство». Несмотря на участь Чаянова, Сталин фактически воплотил на практике его идеи, хотя и в сильно искаженном виде.

Сегодня нам Чаянов ценен тем, что в его книгах содержится ответ на главные вопросы, задаваемые сторонникам традиционных семейных ценностей, противникам абортов и контрацепции: «Хорошо, мы перестаем делать аборты и пользоваться контрацепцией. Начинаем рожать по ребенку в год. Где нам жить прикажете? Чем кормить детей? Где им учиться?» Все доводы консерваторов, пролайферов и профэмили разбиваются об эти вопросы. А значит, нужно подвести под просемейную идеологию экономическую базу — и в этом плане Чаянов как раз и незаменим, — общий чертеж, пусть пока очень приблизительный, той жизни, когда перестанут убивать детей.

Как было сказано, не только Чаянов влиял на власть, но и власть влияла на Чаянова. Идеи Чаянова использовались

Сама ситуация безработицы, нарастающей в связи с подъемом шестого уклада, сменой средств и способов производства, вытолкнет людей на село, где есть возможность добывать себе хлеб своими руками. И вот тут-то важно этот процесс возглавить и скорректировать, придать объективному стихийному исходу на землю правильный инновационный импульс, чтобы получить на селе рост и развитие, а не прозябание и последующую деградацию.

при создании колхозов и совхозов. Но и самого Чаянова фактически сломали, заставили топтать собственные идеи кооперации на селе, всё

то, что составляло смысл его жизни, — ради торжества четвертого уклада, ради сталинской индустриализации, которая, конечно, была необхо-

дима, но ввиду приближавшейся новой мировой войны вводилась карательными методами. В конце 20-х, незадолго до ареста, под влиянием травли в печати и угроз со стороны самого Сталина он пишет работу «Возможное будущее сельского хозяйства». Там он фактически отрекается от своих прежних взглядов, договариваясь даже до такого: «В сущности, будущее сельского хозяйства — правда, самое отдаленное — это отмена самого сельского хозяйства в современном смысле этого слова и переход к изготовлению питательных и текстильных материалов фабричным способом, подобно обычным продуктам тяжелой и легкой индустрии, путем ассимиляции азота и углекислоты из воздуха с помощью синтетического химического процесса. В этом отдаленном будущем, когда наши питательные вещества будут получаться упакованными в ящики с фабрично-заводских складов, а материи — отливаться, как уже отливается теперь искусственный шелк “вискоза”, на долю живого растения останется только декоративное садоводство, превращающее в парки поверхность нашей планеты, да, пожалуй, изготовление некоторых фруктов и вин, тонкая ароматность и вкусовые качества которых все-таки еще долго не смогут быть заменены продуктами массового производства». Бунт на коленах, как иногда в таких случаях говорят.

Однако эту работу внутренне надломленного Чаянова надо рассматривать в паре с другим его текстом — утопией, написанной в 1919 году и сохранившейся, как и шесть мистических повестей, только потому, что она, как и те его повести, была издана под псевдонимом.

В повести «Путешествие моего брата Алексея в страну

крестьянской утопии», опубликованной в 1920 году под именем Иван Кремнев, Чаянов показывает социалистическое общество, где после крестьянской революции был издан декрет об уничтожении городов и произошел массовый исход из города на село. Один из жителей утопии — Никифор Минин — так объясняет главному герою — Алексею Кремневу — устройство новой жизни: «Население Москвы нарастает настолько сильно, что наши муниципалы для соблюдения буквы закона считают за Москву только территорию древнего Белого города, то есть черту бульваров дореволюционной эпохи. Раньше город был самодовлеющим, деревня была не более как его пьедестал. Теперь, если хотите, городов вовсе нет, есть только место приложения узла социальных связей. Каждый из наших городов — это просто место сбора, центральная площадь уезда. Это не место жизни, а место празднеств, собраний и некоторых дел. Пункт, а не социальное существо. Возьмите Москву, на сто тысяч жителей в ней гостиниц на 4 миллиона, а в уездных городах на 10 000 — гостиниц на 100 000, и они почти не пустуют. Пути сообщения таковы, что каждый крестьянин, затратив час или полтора, может быть в своем городе и бывает в нем часто. Вся страна образует теперь кругом Москвы на сотни верст сплошное сельскохозяйственное поселение, прерываемое квадратами общественных лесов, полосами кооперативных выгонов и огромными климатическими парками. В районах хуторского расселения, где семейный надел составляет 3-4 десятины, крестьянские дома на протяжении многих десятков верст стоят почти рядом друг с другом, и только распространенные теперь плотные кулисы тутовых и

фруктовых деревьев закрывают одно строение от другого. Да, в сущности, и теперь пора бросить старомодное деление на город и деревню, ибо мы имеем только более густой или более разреженный тип поселения того же самого земледельческого населения. Вы видите группы зданий, — Минин показал вглубь налево, — несколько выделяющихся по своим размерам. Это — “городища”, как принято их теперь называть. Местная школа, библиотека, зал для спектаклей и танцев и прочие общественные учреждения. Маленький социальный узел. Теперешние города такие же социальные узлы той же сельской жизни, только больших размеров».

Чаянов описывает метеорофор — машину, управляющую погодой и способную также выступать в качестве климатического оружия, — предсказывает развитие скоростного транспорта и малой авиации, новую популярность суздальских фресок XII века и Питера Брейгеля. В чаяновской утопии 1919 года есть и ряд сбывшихся прогнозов: в частности, снос Храма Христа Спасителя и великий перелом 1937 года.

Утопия 1919 года, как и футурологический прогноз 1928 года, строится прежде всего на идее кооперации. «Для нас возможен единственный верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, — путь этот: переложить тяжесть удара на плечи <...> русского крестьянского хозяйства. Нужна кооперативная общественная жизнь, кооперативное общественное мнение, массовый захват крестьянских масс в нашу работу», — это уже поздний Чаянов.

Есть соблазн отмахнуться от чаяновской утопии 1919 года как ранней и наивной уже хотя бы в силу того, что это

утопия — то есть художественное произведение, описывающее особое устройство жизни. Однако на сегодняшний день актуальнее представляется именно ранняя работа Чаянова. Перед нами по сути не утопия, а совершенно адекватный проект, рабочая футурологическая модель, ничем не уступающая проектам какого-нибудь Жака Фреско или Иоаннеса Папаиоанну. Разве что не снабжена 3D-иллюстрациями.

Мы видим, что в чаяновской модели происходит естественное центробежное, горизонтальное расселение граждан-горожан-сельчан. Сегодня же налицо нечто совершенно противоположное: города, подобно месту столкновения тектонических плит, взмывают вверх, развиваются по вертикали. Возникает проблема компактного расселения. Драться за квадратные метры превращает домочадцев в «геополитических врагов». В Средние века, пожалуй, не столь яростно делили отцовские владения знатные отпрыски. Миллионы шекспировских трагедий разыгрываются сегодня в городских квартирах. Город убивает семьи. Желая сохранить за собой свободные квадратные метры, молодые пары не хотят рожать более одного-двух детей, а то и вовсе становятся принципиальными чайлдфри.

Единственный радикальный выход из ситуации демографического бедствия — дауншифтинг (так называют ставшую в последнее время актуальной миграцию из города в деревню, из более населенных пунктов — в менее населенные, более экологичные и спокойные). Чайновский проект, предвосхитивший дауншифтинг, вовсе не означает утраты связи с цивилизацией. Изба может быть с центральным отоплением, санузелом, Интернетом. Жизнь поначалу бу-

дет менее комфортной, чем в городе, зато здоровой. Жизнь на земле — это Традиция, погружение в годовой цикл труда, а прозябание «офисного планктона» жизнью назвать затруднительно. Тем более что сегодня возникает возможность удаленного офиса, домашней работы.

Дауншифтинг — это хорошо. Но явление это не массовое и очень индивидуальное. Без политической воли здесь, разумеется, по-настоящему осуществить ничего не удастся. Либеральная западная система просто так от высасывания соков из «населения» не откажется. Город — средоточие власти либеральной системы — и его индустриальный уклад давно сожрали деревню. Из книги Бытия мы помним, что первый город был основан Каином. Поистине, как в первой половине прошлого века писал Рене Генон, к концу времен «Каин окончательно убьет Авеля». Иначе говоря, город убьет деревню. Логика развертывания человеческой истории такова, но это не значит, что нам не следует этому сопротивляться. Тем более, учитывая обстоятельства смены уклада, мы должны испытывать сдержанный оптимизм, понимая, что здесь возможен объективно-исторический шаг в сторону реальной крестьянской автаркии, подлинного социализма и демократии, а не большевистской или либеральной псевдоморфозы.

Социализация земли, исходя из нужд семьи, с неизбежностью следует из логики шестого уклада. Именно на этом основана эффективность будущего сельского хозяйства. В то же время именно и только так мы можем решить серьезную демографическую проблему. Сегодня перед руководством нашей страны по сути встает вопрос о самом существовании нашего народа. В сельском хозяйстве экономика,

развитие и демография напрямую связаны. В «Организации крестьянского хозяйства» Чайнов пишет: «Факт тесной связи между размерами семьи и объемом ее хозяйственной и даже сельскохозяйственной деятельности считать статистически совершенно установленным. Не размер семьи определяет объем хозяйственной деятельности семьи, а наоборот, размеры, скажем, земледельческого хозяйства определяют собою состав семьи. Говоря иначе, крестьянин обзаводится семьей сообразно размерам своего материального обеспечения. Немало демографических исследований европейских ученых отмечало факт зависимости рождаемости и смертности от материальных условий существования и ясно выраженный пониженный прирост в малообеспеченных слоях населения. С другой стороны, известно также, что во Франции практическое мальтузианство наиболее развито в зажиточных крестьянских кругах (то есть регулировать рождаемость более склонны богатые, нежели бедные. — *О.Ф. -III.*)».

Иначе говоря, программной основой позитивной практической государственной биополитики с необходимостью должна стать крестьянская автаркия, ибо только в рамках этой модели сегодня возможна полноценная реализация традиционных семейных ценностей, а значит — естественный прирост населения. Только под лозунгом «Назад — в избы!» возможно адекватное восстановление русского демографического суверенитета, когда слова «аборт» и «контрацепция» будут известны лишь эрудитам.

Это неизбежно, поскольку, как пишет Чайнов в «Организации крестьянского хозяйства»: «Цикл жизни нормальной, без катастроф развивающейся семьи: 25-26 лет. Учи-

тывая смертность детей и исходя из того, что приблизительно 1 ребенок будет рождаться в 3 года, нормой для полного цикла существования семьи будет рождение 9 детей. В первые годы, по мере роста семьи, она отягощается всё больше и больше неработоспособными домочадцами, и наблюдается быстрое увеличение числа едоков к числу работников. На 14-й год существования семьи это отношение достигает своей наибольшей величины — 1,94. Но уже на 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребенок, достигший полурабочего возраста, и отношение едоков/работников сразу падает до 1,64. Конечно, в действительности такого резкого скачка не бывает, так как переход от неработоспособного ребенка к полуработнику совершается более постепенно, но всё же несомненно, что около этого времени обременение работников семьи едоками начинает спадать, так как с каждым годом дети будут принимать всё большее и большее участие в работе и к 26-му году существования семьи величина отношения спадет до 1,32. Если после этого года принять, что дальнейшее деторождение у главы семейства прекратится, то в силу подрастания детей величина отношения едоков/работников будет стремительно падать, приближаясь к единице, каковую и достигнет на 37-м году существования семьи, если никто из взрослых не женится, а старики не потеряют работоспособность. В случае же если в дом войдут снохи и у них появятся дети, то в образовавшейся сложной семье снова начнется некоторое увеличение отношения едоков/работников, которое значительно возрастает при переходе родоначальников семьи в разряд неработоспособных. Параллельно с отмеченными уже изменениями в составе семьи,

Иван Куликов. Чаяпитие в крестьянской избе

происходящими по мере ее роста, приходится отметить нарастание по мере ее созревания числа рабочих рук, что дает им возможность применять в работе принципы сложной кооперации и тем умножать силу каждой из них. Созревшая таким образом семья в некоторый момент своего развития под влиянием каких-либо внутренних причин претерпевает катастрофу и разделяется на две или более семей, причем образовавшиеся при сем молодые семьи начинают в дальнейшем проходить вновь описанные уже нами фазы развития семьи, если они не прошли первые из них, находясь в патриархальной отчей семье».

Чаяновскую модель можно представить в виде следующих тезисов:

- ♦ деурбанизация; массовый исход в растянутые на десятки и сотни километров пригоро-

В повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», опубликованной в 1920 году под именем Иван Кремнев, Чаянов показывает социалистическое общество, где после крестьянской революции был издан декрет об уничтожении городов и произошел массовый исход из города на село.

ды, в горододеревню, где станет возможной жизнь большими семьями;

- ♦ опора на семейно-кооперативное производство, где каждый заинтересован в результатах своего труда и работает не на «чужого дядю», а на семью; добровольность членства в кооперации, равноправие, выборность руководства, самоуправление;

- ♦ создание деревенской инфраструктуры, не уступающей городской; налаживание скоростных путей сообщения, связующих социальные узлы горододеревни;

- ♦ крестьянский семейный уклад без отрыва от источников высокой культуры;

- ♦ углубление содержания человеческой жизни, реализация интегральной человеческой личности.

Почему земля?

Потому что это наш национальный архетип, наш космопсихологос, по выражению философа и культуролога Георгия Гачева. Россия, Русь — женского рода. Наша Родина — Мать. Если обращаться к глубинным народным архетипам — Мать Сыра Земля. То есть стихия почвы и стихия воды, явленные в своем единстве и дающие всему как рождение, так и смерть. В силу этого архетипа у нас особое отношение к могилам предков, «к отече-

ским гробам», по слову поэта. В наших древних былинах наиболее архаичные пласты связаны со Святогором, Микулой Селяниновичем и «тягой земной» — величайшей неодолимой силой. Микула Селянинович, эпический оратай, — единственный, кто способен поднять суму со всею «тягостью земною». Оратай этимологически близок к «рота», «рать», «ротиться» (*древнерус.* клятва, давать воинскую присягу). Для Европы это нечто немислимое. Какое-то переворачивание словесных отношений. Опять-таки именно русские крестьяне — христиане, а не «поганные», как в Европе (*pagan* — язычник, деревенщина во многих европейских языках). То есть еще у наших предков существовало очень почтительное отношение к земледелию, к тем, кто им занимается, и к самой земле. Не к солнцу, не к луне, не к звездам, не к огню, а именно к Матери Сырой Земле.

Труд, одна из главных наших культурных ценностей, понимался прежде всего как труд на земле. То есть труд *par excellence*. У этого есть как дохристианские (Мать Сыра Земля), на что уже было указано, так и христианские основания: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3:19). Таким образом, труд на земле оказывается к тому же исполнением божественной заповеди. Труд на земле сотериологичен, он спасает. Это нашло отражение во всех монастырских практиках Руси.

Бытие-в-Традиции для русского человека — это следование за годовым календарным церковно-земледельческим круговоротом. Образы возделывания земли связываются с образами Писания и Предания. Например, в Духов день нельзя трево-

жить землю, потому что она именинница — она была сотворена в этот день, нельзя копать ее, вбивать в нее что-либо и т.д. И наоборот, образы Писания и Предания проецируются на земледельческие и в целом природные циклы. Об этом так много написано у самых разных авторов, что, право же, не стоит на этом останавливаться подробнее.

Древнейший способ обработки земли — общинный. Поэтому как барщина (феодальный уклад), так и работа на кулака-мироеда (капиталистический уклад на селе) или колхозная работа из-под палки (военный коммунизм) воспринимались нашим народом как попрание Правды, попрание должного, искажение той фундаментальной реальности, которая нуждается в воспроизведении. Только в этом русский человек находит гармонию. Это его целит.

Сегодняшнее бытие-в-городе большинством, даже из числа родившихся здесь, воспринимается как аномалия, как нечто глубоко неправильное, как некое самоотступничество, предательство чего-то глубинного. Сакральное бытие-на-земле подменяется его симулякром — дача, «фазенда», огород, «дачный сезон», «шесть соток». Кому-то этого достаточно, кто-то стремится даже превратить свое проживание на даче в более или менее регулярное. Но разница между полноценным домом и дачей — как между любимой женой и проституткой. Само слово «дом» связано с латинским корнем *domus*, отсюда — доминация, хозяйство, владение. Дача же — это то, что дано и в любой момент может быть отнято. Еще чудовищнее «курятники» во всё более многоэтажных зданиях, которые мы метафорически продолжаем называть домами. Однако квартира — это не дом, это «квадратик», «квадратные мет-

ры», это клетка по сути, в которой человек обездолен, у него отнято даже фактически право иметь детей, которое было у пролетариев Рима (само слово *proles* по латыни обозначало тех, кто ничего не имел, кроме потомства, детей, и в этом была их единственная заслуга перед обществом). Рожать детей в квартире — значит обрекать их на войну с собой и между собой за квадратные метры. Отсюда антихристианское контрацептивное и абортное мышление — прямое следствие урбанизма.

Сегодня городскими жителями это всё более и более осознается. Причем не только в России, но и во всём мире. Дауншифтинг возник именно как центробежная тенденция в рамках развитого пятого уклада — информационных технологий, — когда число рабочих мест, предоставлявшихся четвертым укладом, согнавшим людей из деревень в город, стало неуклонно сокращаться. Идея дауншифтинга, если быть кратким, описывается рекламным трюизмом: «Хорошо иметь домик в деревне».

Однако западный дауншифтинг еще не означает работы на земле — точнее, не включает ее как обязательный элемент. У нас же поехать копать картошку или сажать лук-чеснок предстает чем-то едва ли не сакральным. Идея дауншифтинга у нас всегда в силу особенностей нашего менталитета, культурных кодов, цивилизационной матрицы — называйте это как угодно — ложится на семейное сельское хозяйство или на общинную кооперацию.

Аутентичный для нас путь аграрной кооперации заключается в том, что в отличие от капитализма на селе (фермерства и кулачества — как русской его формы) он избегает порочного процента, исключает

аморальный принцип прибавочной стоимости, но в отличие от социалистического типа крестьянского хозяйствования (колхоз, совхоз) он не нуждается в общественных и государственных мерах принуждения. Труд в чистом виде — а не капитал и не палка — находится в центре этого типа хозяйствования. Сам вырастил — сам съел. Необходимость потребления стимулирует труд. Избытки труда становятся залогом роста. Причем не только количественного, но и качественного.

На сегодняшний день существует ряд разрозненных практик, идей и концепций, которые удачно складываются в некий футурологический пазл, описывающий то, как можно непротиворечивым образом трансформировать ныне бедствующие сельские окраины в процветающие территории, а в итоге и сместить туда центр социального бытия. Компоненты этого пазла и раньше в отдельных случаях контаминировали друг с другом. Чаше существовали по отдельности. Порой дополнялись теми или иными экстравагантными и даже эксцентричными политическими или религиозными идеями (как, например, община Роберта Оуэна или родовые поместья сектантов-«анастасиевцев»), что в значительной степени их дискредитировало. Но если отмыслить всё привходящее, акцидентальное от этих деталей пазла, мы получим возможную модель русского уклада в XXI веке — не только непротиворечивую, но и имплицитно содержащую в себе последовательность развития.

Вот первые шаги, необходимые для пересоздания русской деревни:

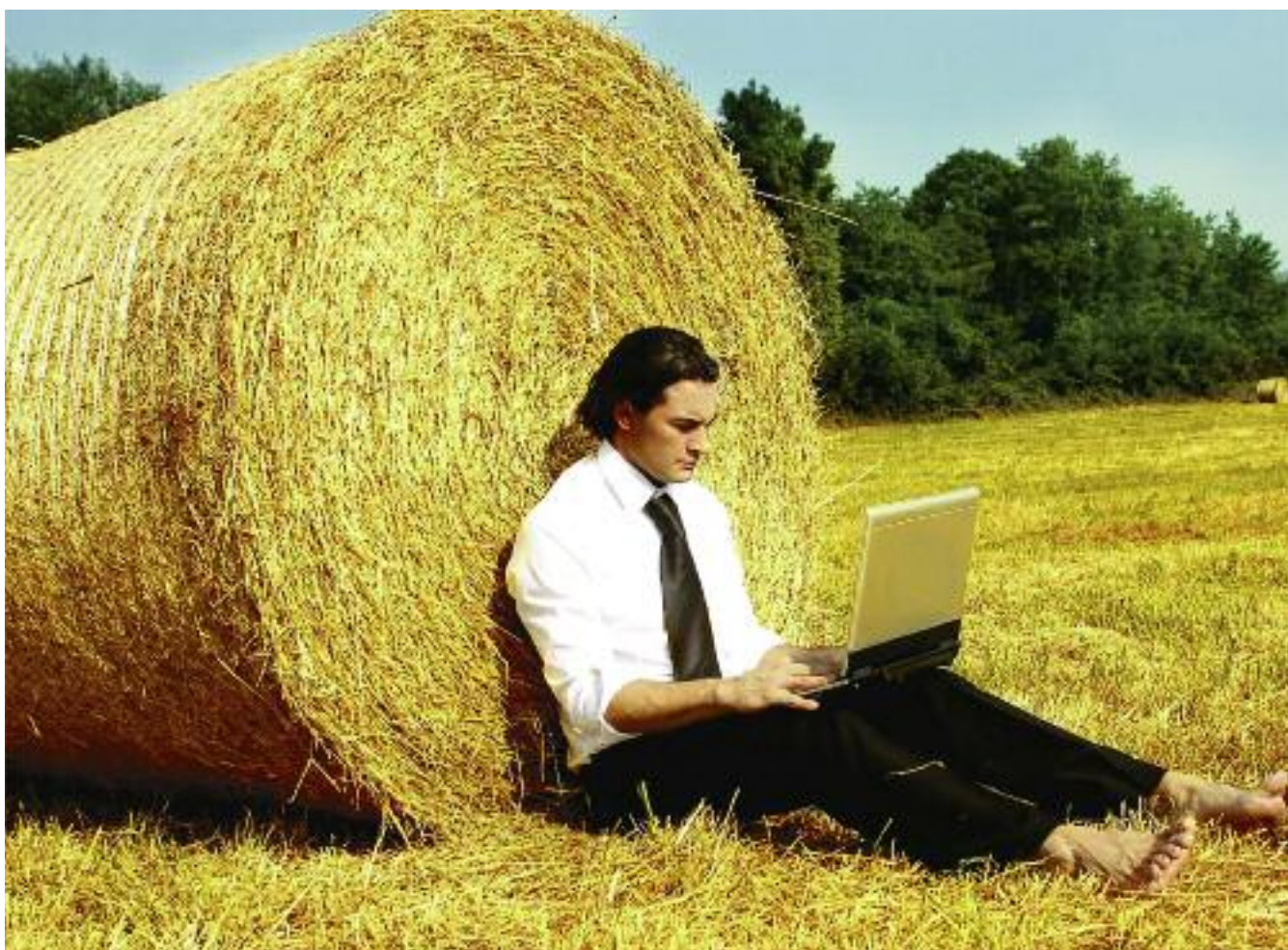
- ♦ кооперация по Кондратьеву и Чаянову;
- ♦ дауншифтинг, удаленный офис, «родовое поместье» и самоколонизация;

Александр Чаянов:

«Для нас возможен единственный верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, — путь этот: переложить тяжесть удара на плечи <...> русского крестьянского хозяйства. Нужна кооперативная общественная жизнь, кооперативное общественное мнение, массовый захват крестьянских масс в нашу работу».

- ♦ пермакультура и производство органической еды;
- ♦ ландшафтный дизайн и новые технологии: пассивный дом, энергоавтаркия, автоматизация, роботизация на селе;
- ♦ деурбанизация, малоэтажность, горододеревня;
- ♦ терраформирование пустынь севера и юга;
- ♦ реинтеграция ценностей русской цивилизации, не-

Единственный радикальный выход из ситуации демографического бедствия – дауншифтинг. Чаяновский проект, предвосхитивший дауншифтинг, вовсе не означает утраты связи с цивилизацией.

офолк, русский стиль («Общество возрождения художественной Руси» как матрица).

Автаркия большая и малая

Шестой уклад может существовать в рамках различных социально-экономических моделей, типов хозяйствования. Это может быть как капитализм, так и социализм. Однако у каждой из моделей в рамках шестого уклада есть свои уязвимые места. В случае капитализма — это паразитирование на технологиях устаревшего уклада, поскольку переход на новые технологии обременен потерями и рисками. Так, например, углеводород-

ное лобби не дает развиваться разработкам и проектам, связанным с продвижением альтернативных источников энергии, замещающих углеводородные энергетические технологии. Это ведет к технологической стагнации и в конечном итоге к экономическому отставанию от стран — вероятных противников, к ослаблению суверенитета страны. Иными словами, здесь существуют опасности стратегического ущерба. В социализме нас ждет противоположная опасность. Да, инновации внедряются быстро, и хотя проблемы с их финансированием есть, они себя в конце концов окупают с лихвой.

Однако конкуренция на внутреннем и внешнем рынках не развита. А значит, мелкие улучшающие технологические инновации оказываются нереализованными, поскольку они не стимулируются никоим образом, кроме плана и палки. Более того, они противоречат нормам, назначенным сверху, например, ГОСТу. В этой ситуации «инициатива наказуема». Значит, в итоге мы имеем тактический ущерб.

Поэтому в рамках шестого уклада наиболее адекватным ответом на его вызовы — прежде всего исчезновение прежних профессий в связи с развитием закрывающих технологий и внутреннюю миграцию из города на село — с неизбежностью должна стать автаркия — как третий альтернативный базовый тип хозяйствования. Модель «осажденной крепости» диктует не-

обходимость прорывных инновационных технологий. Ибо врага можно разбить не собственным качеством, а собственным преимуществом: растущие снизу кооперативные хозяйства конкурируют друг с другом, внося в средства и способы производства мелкие инновации, позволяющие всему государству эффективно конкурировать с государствами-конкурентами.

Таким образом, перед нами большая и малая автаркии. Большая автаркия — автаркия государства. Автаркия малая — автаркия семьи, шире — автаркия кооператива, еще шире — совета кооперативов. Это вертикальный рост от корней к кроне. В конечном итоге сама структура власти изменится. По сути, именно здесь и только здесь мы получим последовательную демократию, передачу полномочий из рук в руки. Впрочем, насколько демократия, отчего-то непременно соотносимая с республиканской формой правления, в действительности нужна нашему народу, насколько противоречит, а насколько соответствует органическим архетипам русской власти — совершенно отдельный разговор. Однако, на наш взгляд, автаркийное хозяйственное устройство страны никак не противоречит — а скорее, может дополнять — любую форму государственного правления. Например, монархию. При этом не следует забывать о возможностях развития горизонтальных профессиональных связей, которые автаркия с неизбежностью приведет в полное или относительное соответствие с собой. Цеховая, профессиональная кооперация может явиться нам в совершенно новом облики. Об этом также следовало бы сказать отдельно и в другом месте, но вовсе не упомянуть данного обстоятельства мы не могли.

Похожее разделение на малую автаркию, возможную уже сейчас, и большую автаркию как государственное хозяйство мы встречаем у Михаила Туган-Барановского, хотя самих этих терминов он и не употреблял. У этого крупного теоретика кооперации разделены понятия кооперативного движения и кооперации как таковой. Кооперативное движение нацелено в будущее, оно футуристично. Это «большая автаркия», проект государства-кооператива. Кооперация же возможна *hic et nunc*, здесь и теперь, она может существовать в рамках текущей политико-экономической конфигурации. Если угодно, это и есть малая автаркия.

Чаянов, бывший отчасти продолжателем дела Туган-Барановского, видел переход от малой автаркии к большой таким образом: «Вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обществления капитала, оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения».

Что же такое — эта пресловутая автаркия, откуда она завелась и что означает? Одно из первых упоминаний автаркии находят во фрагментах Демокрита: «Пребывание на чужбине учит автаркии образа жизни: ячменная лепешка и соломенная подстилка — вот самые сладкие лекарства от голода и усталости». Автаркия здесь — самодостаточность, способность довольствоваться исключительно тем, что имеется в данный момент в наличии. Грекам словцо понравилось. И его стали употреблять часто, к месту и не

к месту — метафорически. И в морально-этическом смысле, и в медицинском, и в экономическом, и даже в теологическом (у Платона, в частности, автаркийно тело Космоса).

Экономическое осмысление термина начинается с Аристотеля. Во всей его «Политике» настойчивым лейтмотивом звучит это понятие — «самодовлеющий» (автаркийный): «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни». «Оно (государство. — *Перев.*) появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего (автаркии. — *О.Ф.-Ш.*)». «Государство есть нечто самодовлеющее, рабство же несовместимо с самодовлением (автаркией. — *О.Ф.-Ш.*)». Таким образом, еще Аристотель видел автаркию в качестве того, что является целью государства-полиса.

В каком-то смысле можно сказать, что понятие автаркии очень близко к понятию суверенитета. Точнее было бы сказать, что это понятие суверенитета, взятое в его экономическом аспекте.

Исторически, в рамках укладов, аграрных, доиндустриальных укладов мы видели множество примеров автаркии. Это, например, Спарта, а если рассматривать более близкие к нам по времени примеры — Япония «периода Эдо» (1603—1868 года).

Принято считать, что в Новейшее время так или иначе автаркийной модели придерживался СССР, иногда говорят, что к автаркии тяготели и некоторые страны оси. Хотя это и не совсем так.

Разумеется, абсолютная автаркия является абстракцией,

Каин убивает Авеля. Витраж Шартрского собора. Между 1205–1215 годами

Город – средоточие власти либеральной системы – и его индустриальный уклад давно сожрали деревню. Из книги Бытия мы помним, что первый город был основан Каином. Поистине, как в первой половине прошлого века писал Рене Генон, к концу времен «Каин окончательно убьет Авеля». Иначе говоря, город убьет деревню.

она недостижима в конкретике. Понятно, например, что СССР практически во всё время его существования занимался внешней торговлей. Причем не только со странами СЭВ. Наша страна вполне успешно торговала с рядом капиталистических стран. Тоже можно сказать и применительно к другим примерам автаркии в Новейшее время. Однако экономика СССР была самодостаточной. Нас не могли бы задуть санкциями или с помощью какой-либо другой формы экономической блокады, по-

скольку всё необходимое имелось в наличии, хотя ценой за это порой оказывался дефицит на некоторые товары.

Современной России следовало бы обратить самое пристальное внимание на экономическую теорию выдающегося немецкого экономиста Фридриха Листа, с именем которого обычно и связывают современную теорию автаркии. И фактически это уже сделано. Ведь идея Таможенного союза – точнее, название экономической формы, развиваемой сегодня со-

временной Россией, – впервые была предложена именно Листом, а реализована с его подачи в 1834 году союзом германских государств, сложившихся позже именно благодаря этому в единую империю. Сегодня Россия движется по тому же пути, и это правильно. Однако мы должны не забывать предостережений Листа и помнить, что подлинная автаркия – это не только система льготных таможенных сборов для участников союза, это прежде всего государственный протекционизм с его политикой максимального закрытия границ от более развитых рынков и максимальное открытие рынков на территориях «больших пространств».

Текущая ситуация с нелепыми санкциями как нельзя лучше способствует реализации таких планов с нашей стороны, при этом Запад копает сам себе могилу. В случае со вступлением в ВТО ситуация выходит обратная: бусы для «русских туземцев» взамен ценных ресурсов для «наших европейских партнеров». Несколькими темами, но трудно удержаться и не добавить, что ВТО противопоказана России не только с экономической, но и с биополитической точки зрения. В подавляющей своей массе европейские продуктовые товары наносят России непоправимый демографический ущерб, так как в них содержатся ГМО, а также другие вредные пищевые добавки, нацеленные на подрыв фертильности, а значит – на стратегическую депопуляцию страны – вероятного противника. Напротив, продукты из той же Белоруссии – высококачественные, натуральные и здоровые. И если они пока и не относятся к категории «органической еды», поскольку белорусы по старинке используют различные консерванты

и другие пищевые добавки, хотя и довольно безобидные и не в таком количестве, как у всех остальных, то в дальнейшем у Белоруссии есть все шансы стать крупнейшим поставщиком «живой еды», по крайней мере, на территории Таможенного союза. Да и у нас самих ситуация с сельскохозяйственной продукцией не критическая. Так что в условиях санкций самое время покинуть ВТО.

Лист так сформулировал главный закон автаркии: «Повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути. Но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими, более развитыми, странами тогда, когда внутренний рынок находится в зачаточном состоянии». Что это значит? А это значит, что более развитая в рыночном отношении страна в условиях ничем не сдерживаемого свободного рынка превращает менее развитую в колониальный рынок сбыта и в конечном итоге убивает экономику такой страны, а ее жителей обращает в финансовое рабство. В этом отношении у нас у всех перед глазами ярчайший свежий пример — Греция.

В книге «Национальная система политической экономии» Лист пишет о тогдашней России (первая половина XIX века) такие актуальные и на сегодняшний день слова, практический рецепт экономического процветания: «Благодетельные последствия восстановления (в Российской империи. — *О.Ф.-Ш.*) протекционной системы не менее,

чем вредные последствия восстановления свободы торговли, способствовали тому, что принципы и уверения теоретиков были окончательно дискредитированы. Иностранные капиталы, умственные и рабочие силы устремились из всех цивилизованных стран, а именно из Англии и Германии, чтобы принять участие в выгодах, предоставленных русской промышленной предприимчивости новым таможенным тарифом. Дворянство брало пример с правительства.

Не находя внешних рынков для своих произведений, дворянство постаралось разрешить обратную задачу, а именно — приблизить к себе рынки; оно устроило фабрики в своих имениях. Вследствие спроса на тонкую шерсть со стороны вновь возникших шерстяных фабрик начало быстро улучшаться овцеводство страны. Заграничная торговля вместо того чтобы уменьшиться, возросла, в особенности же торговля с Персией, Китаем и другими соседними странами Азии. Торговые кризисы совершенно прекратились, и достаточно лишь посмотреть последние отчеты русского Министерства финансов, чтобы убедиться, что Россия благодаря этой системе достигла высокой степени благосостояния и что она гигантскими шагами подвигается по пути национального богатства и могущества.

Нет смысла в том, что в Германии (читай: в Евросоюзе, лидером которого является сегодня Германия. — *О.Ф.-Ш.*) хотят умерить эти успехи и жалуются на те убытки, которые были причинены русской системой северо-восточным провинциям Германии (речь идет о Восточной Пруссии, а на сегодняшний день геоэкономическая параллель — Прибалтика. — *О.Ф.-Ш.*). Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих инте-

ресов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России.

Если Англия (сегодняшний ее преемник по военно-торговой функции в мире — США. — *О.Ф.-Ш.*) относится с завистью к торговой политике России, то это совершенно естественно. Россия благодаря этой политике эмансипировалась от Англии. Благодаря этой политике она будет в состоянии явиться соперницей Англии в Азии. Если Англия имеет преимущество дешевизны своих изделий, то эта выгода при торговле в Средней Азии будет уравниваться соседством с Азией и политическим влиянием империи. Если сравнительно с Европой Россия является еще малообразованной страной, то по отношению к Азии она страна цивилизованная».

Сообразуясь с процитированным, России необходимо максимально закрыть свои рынки для США, Европы, Канады, Японии и ряда других стран. Не только в рамках санкций, но и в долгосрочной перспективе. Для этих стран должно действовать такое правило: продавать им только те товары, для получения которых не было затрачено сверхусилий и в которых Россия является региональным или мировым монополистом, а значит — может диктовать свою цену (например, газ), а покупать только то, что сама Россия либо не может производить, либо производит существенно хуже и затратнее. И напротив, для стран, готовых вступить в Таможенный союз и чьи экономики слабее рос-

Россия, Русь – женского рода. Наша Родина – Мать. Если обращаться к глубинным народным архетипам – Мать Сыра Земля. То есть стихия почвы и стихия воды, явленные в своем единстве и дающие всему как рождение, так и смерть. В силу этого архетипа у нас особое отношение к могилам предков, «к отеческим гробам», по слову поэта.

сийской, необходимо создать самые благоприятные условия. Чуть менее льготные, но всё же льготные условия могут быть созданы для стран сопоставимых с нами экономик. Это те, с кем мы можем торговать на паритетных условиях. Речь, разумеется, в первую

очередь идет о странах БРИКС. Это и есть автаркия больших пространств – по Фридриху Листу.

Под малой автаркией следует понимать способность семьи и, шире, кооперативного хозяйства быть самодостаточными, обеспеченными всем

самым необходимым: собственным защищенным от внешнего произвола жильем («мой дом – моя крепость»), собственной едой («сам вырастил – сам съел»), собственной альтернативной энергией, получаемой от солнечных батарей, ветряков, минигидроэлектростанций и т.д. («солнце, ветер и вода – наши лучшие друзья»), собственным экологичным внедорожным транспортом («куда хочу – туда лечу»), самоорганизуемыми культурой, образованием и досугом («сам себе и швец, и жнец, и на дуде игрец»). Иными словами, возможность выжить собственными силами, не выключивая у государства никаких льгот и пособий и не терпя значительного ущерба от холода, голода и информационной изоляции, можно назвать малой автаркией. Совершенно очевидно, что она осуществима только в сельской местности. Городу придется очень сильно видоизмениться, чтобы обрести способность к малой автаркии. И видимо, рано или поздно это случится. Но в нашей стране сначала должна произойти малоэтажная колонизация на восток. Рост по вертикали имеет смысл лишь тогда, когда предельно, подобно мицелию, проработаны горизонтальные связи. В то же время активно заселяемая сельская местность в силу совершенно новых средств и способов производства совсем не будет похожей на патриархальную деревню прошлого. А в более отдаленной перспективе нас, вероятно, ждет появление горододеревни. Это наше неизбежное будущее. Но, по видимости, всё же относительно отдаленное – не в пределах одного-двух поколений. И здесь, кажется, мы вплотную приблизились к необходимости дать краткий очерк такого явления, как пермакультура.

Открытие пермакультуры

Понятие пермакультуры (от *англ. permanent agriculture* — перманентное сельское хозяйство), стремительно набирающей сегодня популярность, прочно связано с именем выдающегося австрийского агри-ария Зеппа Хольцера.

Пермакультура стала возможной в XX веке благодаря массовому разочарованию не только в урбанистическом укладе, но и в современных способах ведения сельского хозяйства — от варварского применения химикатов, а затем и ГМО до нефункционального использования естественных сил природы. Дауншифтинг — еще не пермакультура, поскольку тот, кто решил уехать из города ради семьи, ради спокойной жизни на земле, ради, наконец, здоровья, совсем не обязательно обратится к новейшим методам ведения сельского хозяйства и, скорее всего, если займется обработкой земли, станет делать это привычными методами: обязательной вспашкой, классическими грядками, пестицидами и т.д.

Что же такое пермакультура? Это особый способ аграрного производства, основанный на принципах, наблюдаемых в естественных экосистемах. Почему она перманентная? Прежде всего потому что она не истощает почв, как обычное земледелие, ведущее к опустыниванию (лес — поле — луг — пустыня). Но также и потому, что сельскохозяйственные работы ведутся практически круглый год, хотя и требуют значительно меньших затрат.

В основе пермакультуры лежит подсмотренное у природы использование симбиоза растений и животных, избегание монокультурных посадок, и напротив, насаждение разнообразных видов (как в природе), а также функциональный

Николай Рерих. Берендеево царство. Рисунок к сказке Александра Островского «Снегурочка»

Большая автаркия — автаркия государства. Автаркия малая — автаркия семьи, шире — автаркия кооператива, еще шире — совета кооперативов. Это вертикальный рост от корней к кроне. В конечном итоге сама структура власти изменится. По сути, именно здесь и только здесь мы получим последовательную демократию, передачу полномочий из рук в руки.

дизайн компонентов — природных (почва, солнце, ветер, вода) и рукотворных (дренажные системы, изгороди, пруды, плодовые деревья, выпасы, фермы и загоны, жилые постройки). Это сближает ее с концепцией пассивного дома, о чем будет сказано далее.

Термин «дизайн», особенно если речь идет о пермадизайне, который иногда смешивают с ландшафтным дизайном, у нас принято понимать неправильно — как некое украшательство, декорирование. Речь же идет прежде всего о правильном размещении существенных хозяйственных компонентов. Английское слово *design* (проект, обозначение) можно метафорически сбить с немецким понятием *Dasein* (вот-бытие). Стало быть, создать дизайн — значит обналичить что-либо в бытии. Следовательно, дизай-

нера можно назвать также и дазайнером, придавая таким образом ему некие демиургические функции. Речь идет, конечно, не о лингвистическом родстве этих слов, возникшем в исторический период. Тут скорее поэтическое осмысление. Но что такое язык, как не квинтэссенция поэзии?

Особое внимание в пермакультуре уделяется хольцеровским грядкам. Это один из важнейших компонентов функционального дизайна. Хольцеровские грядки больше похожи на вытянутые в длину холмики. Эти холмики устроены особым образом, чтобы служить одновременно солнечной ловушкой, ветрозащитой и водоулавливателем, образуя особую микросреду, в которой осуществляется эффективное земледелие. Холмики формируются из раз-

Фридрих Лист (на портрете Йозефа Крихубера):

«Повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути. Но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими, более развитыми, странами тогда, когда внутренний рынок находится в зачаточном состоянии».

личных слоев: здесь и пиломатериалы, и дерн, перевернутый травой вниз, и мульча — например, сено. В это трудно поверить, но именно формирование такой микросреды позволяет совершать почти невозможное в сельском хозяйстве.

На одном из выступлений в России Хольцер высказался об аграрных перспективах нашей страны: «Россия — самая богатая страна в мире по территориальным и земельным ресурсам. Если Россия поймет свой огромный шанс, который у нее есть, то перспективы самые благоприятные. Сейчас самое главное, с моей точки зрения, — хозяйствовать на земле, обрабатывать землю, земля при-

надлежит гражданам, а основная задача власти — содержать это всё в порядке. Сейчас уже понятно, что традиционные методы ведения сельского хозяйства не работают, а ведут к банкротству. Большинство стран забюрократизированы. В России больше свобод. И у России, безусловно, есть шанс. Когда граждане России поймут, какое богатство есть в их распоряжении в виде земельных ресурсов, когда появится интерес к земле, экологическому движению, к правильной обработке земли, тогда страна будет цвести. Здоровая земля, здоровые животные, сельское хозяйство без химии, отсутствие монокультур, бережное содержание животных — это, я считаю, и есть будущее России».

Сегодня Хольцера как эффективного практика приглашают в самые разные уголки мира. В частности, он занимается восстановлением опустыненных земель Казахстана. Хольцер полностью разделяет оптимизм Чаянова относительно возможности успешного земледелия на некоторых якобы непригодных территориях России: «Например, Карелия, район с холодным климатом, с каменистыми почвами. И даже для таких условий при правильном подходе возможен успех. В этом случае нужно сформировать особую микросреду. Можно сделать земляной вал, подобрать смешанные посадки и распределить их таким образом, чтобы они

формировали защиту от потоков холодного воздуха, но при этом чтобы туда попадали солнечные лучи, нагревая поверхность земли. Ветер уносит также и влагу, а благодаря защитному валу влага будет задерживаться. Большое значение в этой среде имеют камни — с их помощью также можно формировать микроклиматические зоны. Нагреваясь от солнца, они создают эффект печки. Вообще камни имеют многоцелевое назначение: они отдают минеральные вещества в почву, под ними собираются резервуары с водой, под камнями хорошо себя чувствуют черви, которые необходимы для разрыхления почвы. На таких микроклиматических участках землю можно формировать, как пластилин, — можно сделать высокие гряды, дать возможность растениям расти в высоту, тогда урожай удастся повысить в 5–10 раз. Можно выращивать такие культуры, как огурцы, кабачки, морковь, горох, фасоль, капусту, кукурузу, подсолнечник. Урожай, собранный с одного гектара такой земли, способен прокормить 3–4 семьи». То есть здесь мы фактически вплотную подходим к идее терраформирования бесплодных почв. Таким образом, со временем мы сможем заселить не только пустующие плодородные земли «русским миллиардом», но и зоны рискованного земледелия и даже зоны холодных пустынь севера и жарких пустынь юга — «русскими миллиардами».

Пермакультура способна совершить подлинный прорыв в сельском хозяйстве в рамках шестого уклада. Однако сегодня государство ничего не предпринимает для того, чтобы пермакультура стала стратегической реальностью в сельском хозяйстве. Зато тему пермакультуры плотно оккупировали разного рода сек-

танты: неоязычники, так называемые анастасиевцы и прочих паноптикум. Эту ситуацию надо срочно менять. Как именно — будет сказано ниже.

Пассивный, активный, умный

Сегодня мы всё чаще слышим такие выражения, как «пассивный дом», «умный дом», «активный дом». Выражения, еще четверть века назад показавшиеся бы бредом сумасшедшего, сегодня входят в тезаурус шестого уклада, находясь на самом передовом крае его проблематики.

Меж тем, речь опять-таки идет всё о том же функциональном дизайне/дазаине компонентов: способе разместить окна, жилые пространства, системы вентиляции и рекуперации без «мостиков холода», организовать сбор солнечных лучей и защиту от ветров для наименьших энергозатрат.

Пассивный дом уже давно придуман, опробован и показал свою эффективность. Энергозатраты на отопление, освещение и вентиляцию такого дома доходят до 10 процентов по отношению к энергозатратам на обычное жилье. Активный дом характерен тем, что в нем используются не только энергосберегающие технологии, но и технологии получения альтернативной энергии. Это прежде всего солнечные батареи, ветряки, минигидроэлектростанции и др. Владелец такого дома становится не только потребителем, но и поставщиком электроэнергии, к нему начинают приходить счета с отрицательными цифрами, которые он может обналичить. Это дает возможность одновременно и экономить энергоресурсы, и не загрязнять окружающую среду. И такие дома уже тоже существуют.

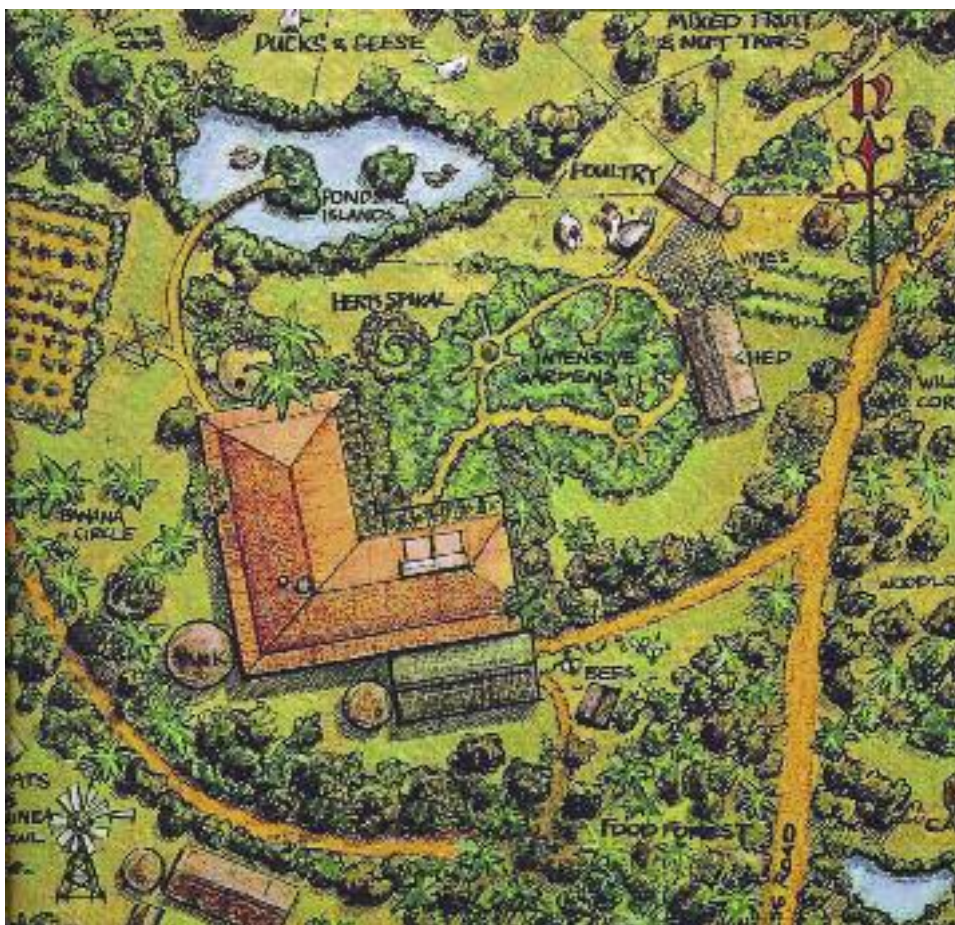
Умный дом — следующий шаг на пути развития новейшей концепции дома и его функ-

Пермакультура стала возможной в XX веке благодаря массовому разочарованию не только в урбанистическом укладе, но и в современных способах ведения сельского хозяйства — от варварского применения химикатов, а затем и ГМО до нефункционального использования естественных сил природы.

ционального дизайна. Он берет на себя автоматический контроль за сбережением ресурсов и собственной охраной. Также в нем может быть заложено множество других функций, делающих быт более комфортным.

В настоящее время умные дома уже существуют, но в России они только-только появляются. Чрезмерной нужды в них нет, в отличие от пассивного и активного домов. Это скорее предмет роскоши для людей очень состоя-

Термин «дизайн», особенно если речь идет о пермадизайне, который иногда смешивают с ландшафтным дизайном, у нас принято понимать неправильно – как некое украшательство, декорирование. Речь же идет прежде всего о правильном размещении существенных хозяйственных компонентов.

тельных. Что неплохо, но не должно внедряться в общем порядке. Что же касается пассивного дома, то он просто обязан стать нормой по умолчанию.

Сегодня уже существуют 3D-принтеры, способные за очень короткое время «распечатать» такие пассивные дома. Например, для жителей Сибири, пострадавших в последние годы от пожаров и паводков и лишившихся жилья, это стало бы экономичным решением проблемы. Технология 3D-печати домов сейчас только в разработке, но завтра она станет реальностью, что полностью изменит цены на строительные работы и силь-

но удешевит жилье, по крайней мере новое.

Агроботы

Пермакультура сегодня с необходимостью должна идти рука об руку с автоматизацией и роботизацией на селе. То, что еще 20 лет назад показалось бы совершенной утопией, сегодня воплощается на практике в странах с развитым пятым укладом — прежде всего в Европе, а также в Японии и в США.

«Робот на селе» сегодня — это, конечно же, не андроид с лопаткой и садовой лейкой для полива грядок и лампочкой вместо носа. Правильнее было бы говорить о системах авто-

матизации на селе, или агро-беспилотниках.

Автоматизировать и роботизировать можно практически любую из сфер сельского хозяйства. Сегодня в Японии, например, роботизирован анализ почв (так называемое точное земледелие), а в США автоматизирован контроль со стороны госструктур за качеством мяса. Специальные аппараты, напоминающие томографы, отправляют данные со всех пунктов по разделке мяса в единый центр. Это позволяет поддерживать всегда высокий уровень качества и безопасности сельскохозяйственной продукции.

Агроботы в автоматическом режиме, сообразуясь с климатическими условиями, ведут полив посевов, и это уже стало реальностью во всем мире. Беспилотные аппараты проводят посевные и другие работы, различные виды агроботов-харвестеров приспособлены для аккуратного сбора самых разных культур: от огурцов до клубники, и от болгарского перца до кокосов. По сути дела, это автоматизированные комбайны, в которых задействованы высокие технологии.

Сегодня роботизация активно применяется и в мясном животноводстве. Это и автопоилки, и системы автоматической уборки свинарников, и устройства по контролю за микроклиматом, и автомойки. Хорошо известно, что животные, которые содержатся в грязи, в плохо вентилируемых помещениях, становятся нервными, а мясо животных, испытавших стресс перед бойней, оказывается менее качественным. В Германии, например, развито движение за гуманное отношение к сельскохозяйственным животным. И это не истеричный «Гринпис» или радикальные сыроеды. Наоборот, это люди, которым не всё равно, какое мясо они едят.

Что касается молочного животноводства, то здесь крупным достижением стало появление робота-дойера, позволяющего двум-трем фермерам держать стадо из 300 коров. Причем такой робот всегда будет работать с одинаковой интенсивностью, давая в качестве поощрения за доение особенно вкусный травяной корм. Для таких коров не нужна специальная ферма, они сами подходят к роботу, и он их доит таким образом, что молоко ни на одном из этапов, включая бутылкование, не соприкасается с воздухом. Надой значительно выше, так как робот контролирует, когда можно доить корову, а когда еще рано. И никогда не запаздывает со своей работой.

Агроботы никогда не устают, не делаются вдруг менее аккумулятивными, а главное — они позволяют разгрузить работу фермера. Фермер по сути превращается в оператора роботов и автоматов. Одна крестьянская семья даже при частичной роботизации своего хозяйства способна производить растительной, молочной и мясной продукции больше, чем средний совхоз. Такой тип хозяйства однозначно эффективней чудовищных агрохолдингов, которые сегодня не дают развиваться российскому сельскому хозяйству.

Одним словом, если соединить пермакультуру и роботизацию на селе, то мы уже получим стремительный экономический рост в сельском хозяйстве. Кроме того, сегодня у нас есть все возможности сделать так, чтобы агроботы были экологичными: их двигатели реально сделать электрическими, аккумуляторы заряжать от генераторов, установленных на ветряках, или от солнечных батарей. Однако здесь мы вплотную подходим к проблеме утилизации неэкологичных отходов эко-

логических электромашин и фотоэлементов солнечных батарей.

Рециклирование и зеленое электричество

России необходима эффективная система рециклинга. Наши леса, наши деревни, наши города испакошены, осквернены, отравлены, всюду валяются пластик, пакеты из полиэтилена, поливинилхлорида, батарейки, которые не разлагаются в природе. Всё это не только позор России, чем нам постоянно досаждают и тычут иностранцы, но и причина демографического урона, поскольку многие из неутилизованных отходов, попадая в окружающую среду, весьма быстро начинают контактировать с подземными водами, нанося вред здоровью в целом и женской фертильности в частности. Подрывается наш человеческий потенциал. И ситуацию эту невозможно исправить никакими очистными фильтрами. Поскольку проблему пытаются решать с другого конца.

Есть и совсем вопиющие случаи, когда, например, места захоронения промышленных отходов первого класса находятся в непосредственной близости от воды, поступающей в водопровод. Сфера эта крайне коррумпирована. Однако, наверное, не нам начинать войну против этой бесчеловечной машины. Это дело государства — ловить и наказывать экологических преступников. Поэтому кратко обозначим проблему с твердыми бытовыми отходами, которая частично решается. Во многих странах мира принята их сортировка. Повсеместно используются отдельные баки для органических отходов, для пластиковой тары, для металлов, для текстиля и т.д. Это еще не зеленая технология в чистом виде, но хотя бы первый шаг к

ней. Если мусор может быть переработан, он должен быть переработан. У нас, к сожалению, такие отдельные баки существуют лишь в некоторых элитных районах Москвы и, возможно, еще нескольких мегаполисов. Если в ЕС захоронению подвергаются 40 процентов отходов, что тоже очень много, то у нас — свыше 90 процентов, и это по сути — экологическое преступление. В СССР с утилизацией твердых бытовых отходов всё было значительно лучше. В качестве упаковочного материала использовался не полиэтилен, а пищевая бумага разных сортов — в зависимости от того, для чего она предназначалась. Сливочное масло, например, заворачивали в лощеную бумагу. Активно использовались одноразовые бумажные стаканчики. Также в автоматах с газированной водой и у продавщиц, торговавших соками и водами в розлив, всегда были стеклянные стаканы, кружки и моющие устройства. Бумага и картон быстро разлагаются в природной среде, не нанося экологии ущерба.

Что касается вторичного сырья, то государство руководило этими процессами, и поэтому стоимость переработки закладывалась в стоимость продукции. Главтормсырье и Центросоюз занимались сбором отходов. Были ГОСТы на стеклотару, сдать ее можно было в шаговой доступности, всем были известны расценки на нее. Часто родители давали детям на карманные расходы не деньги в чистом виде, а бутылки и банки. Также легко можно было сдать в специальных пунктах металлолом и макулатуру. Более того, в обществе велась государственная пропаганда по сдаче бытовых отходов. Такая активность поощрялась. Например, за определенное количество макулатуры можно было получить дефицитные

книжные издания. Этот советский опыт было бы неплохо вернуть.

Сегодня же производителю невыгодно использовать материалы, которые могут быть подвергнуты вторичной переработке или утилизации. То есть, может быть, теоретически он, наверное, и не против. Но платить за это он не намерен. Например, выгодна пластиковая тара. Пластик стоит дешево, удобен в перевозке, поскольку не бьется, можно заказать собственный, оригинальный дизайн для тары. Однако ПЭТ-тара в природе не разлагается и, хуже того, содержит дибутилфталат, вредный в целом и в том числе для женской фертильности. Вследствие настоящего обстоятельства подобного рода тара может рассматриваться как биополитический инструмент, способствующий депопуляции в РФ, а также в тех странах, где настоящая тара распространена. Почему же в России государство разрешает такую вредную тару, наносящую ему демографический ущерб? Ответ очевиден: идет ее лоббирование в силу коррумпированности всей цепочки. Государство делает запрос в экспертные сообщества, а те аффилированы с международными структурами, действующими в интересах нашего потенциального геополитического и актуального биополитического противника. Это может быть по виду и не прямой «иностранный агент», но работают они в связке. Одни получают деньги, другие — возможность биополитического контроля.

Не хочется расплываться на частности, но, к примеру, по поводу содержания в ПЭТ-таре дибутилфталата президент Российского союза химиков Виктор Иванов заявил: «Наличие дибутилфталата в ПЭТ невозможно. Это противоречит законам химии, ми-

ровому опыту и многочисленным российским и зарубежным исследованиям». Однако мы общались с другими профессиональными химиками и слышали от них совершенно противоположные оценки. При этом на сайте Российского союза химиков черным по белому написано: «Российским союзом химиков ведется плодотворная работа по глобальной программе устойчивого развития “Ответственная забота” (*Responsible Care*), утвержденной и рекомендованной ООН всем странам. Действие программы *Responsible Care* распространяется в сферах техники безопасности, охраны труда и экологии и направлено на использование в работе лучших практик реализации программы в мире. В 2007 году Россия, в лице Российского союза химиков, вступила в лидер-группу стран (*RCLG ICCA*) по реализации программы и стала 53-м государством, работающим по стандартам *Responsible Care*». Напомним, что «устойчивое развитие» — социально-политический тег биополитической комиссии Брундтланд (она же — Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, *WCED*), проводившей в жизнь идеи практического неомальтузианства, включая косвенную депопуляцию населений стран второго и третьего мира в целях перераспределения мировых ресурсов в пользу населения стран «золотого миллиарда», под видом заботы о всеобщем благосостоянии не только нынешнего, но и грядущих поколений. Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что государственную экспертизу выполняют иностранные агенты, враги нашего государства и народа. Ряд подобных примеров наш независимый Центр биополитических экспертиз мог бы при желании продолжить. Однако тема нашего

обозрения более общая. И цель в данном случае была лишь в том, чтобы показать, в какой трудной ситуации мы находимся и насколько востребованными оказываются жесткие меры, предпринимаемые государством.

Нужны здоровые альтернативы пластику и полиэтилену. Требуется такая упаковка, которая могла бы достаточно быстро в природе разлагаться. Сегодня, к слову сказать, в качестве альтернативы ПЭТ предлагают картонную упаковку, пригодную в том числе для любых напитков, технология «Тетра Пак» уже давно и эффективно используется. Подходящая замена полиэтилену — бумажные пакеты, биополиэтилен, пленка на основе метилцеллюлозы и белковых комплексов. Однако принять радикальные меры в этой области может только государство.

Если мы собираемся развивать автаркийное сельское хозяйство, особенно в случае самоколонизации Сибири, нам необходимо научиться использовать зеленые технологии и рециклинг на селе, чтобы Сибирь не стала жертвой отходов этой самоколонизации.

Кроме того, в рамках набирающего силу шестого уклада США, Европа, Китай, Индия и Япония уже вступили в гонку технологий зеленой энергетики. Энергетика углеводородов будет уходить в прошлое. И те страны, которые позже других осознают безальтернативность, простите за каламбур, альтернативной энергетики, окажутся проигравшими. Дорогая углеводородная энергетика будет в целом подрывать экономику таких стран, делать их неконкурентоспособными. Не получив развитую альтернативную энергетику, такие страны не получат дешевый альтернативный транспорт, а для нашей страны это будет означать демографиче-

ский коллапс, поскольку пронизанность разнообразными путями сообщения определяет степень заселенности региона, отсутствие разнообразных транспортных артерий или перегруженность трафика ведет к оттоку населения, что критично, например, в случае Сибири, которая является нашей ресурсной базой, и ее потеря равносильна для нас закрытию проекта «Россия». Кроме того, мировое сообщество в лице своих биополитических институтов с совершенной очевидностью не замедлит воспользоваться таким выгодным для себя обстоятельством и будет предпринимать санкции по отношению к странам — «экологическим преступникам».

Сегодня в дискредитации альтернативной энергетики заинтересовано углеводородное лобби. Поэтому в Интернете можно найти много критики в адрес тех или иных технологий зеленой энергетики. Между тем дыма ведь без огня не бывает. Поэтому давайте попробуем разобраться в проблеме. Что касается солнечных батарей, конечно, их производство вредно, однако не в той степени, как использование углеводородных технологий. Причем есть возможности этот вред минимизировать. Проблема утилизации солнечных батарей и, в частности, содержащегося в них свинца преувеличена. Это не большая проблема, чем проблема переработки никель-кадмиевых или никель-металл-гидридных элементов. При этом, что показательно, достаточно покрыть, например, всего лишь 1 процент поверхности Сахары солнечными батареями, и электроэнергии хватит, чтобы обеспечить всё население Земли. Что, кстати, и предлагал в свое время Чаянов. Это, конечно, чисто теоретически. А вот практика. Компании *Siemens* и *Deutsche Bank* уже

Умный дом — следующий шаг на пути развития новейшей концепции дома и его функционального дизайна. Он берет на себя автоматический контроль за сбережением ресурсов и собственной охраной. Также в нем может быть заложено множество других функций, делающих быт более комфортным.

вложились в проект по застилке части территории Сахары солнечными батареями и терраформированию части пустыни. Объем инвестиций составит 400 миллионов евро. На реализацию, по различным прогнозам, уйдет от 10 до 15 лет. После этого Европа сможет полностью обеспечить себя электричеством. Для России это не очень хорошие новости, учитывая нашу ресурсную политику последних лет. По большому счету, России надо бы как следует вложиться в проекты шестого уклада, и прежде всего в технологии зеленого электричества, чтобы не прийти к концу этой гонки в хвосте.

Не менее интересный вариант — ветряки. Это самая экологичная энергетика. Однако ветряки критикуют за то, что они убивают птиц и летучих мышей. И дело тут не только

в этическом аспекте — при повсеместном их использовании нарушается экологический баланс. Меньше птиц — больше насекомых. Больше насекомых — больше насекомых-вредителей. Больше насекомых-вредителей — меньше урожай. Кроме того, ветряки производят сильный шум, и если их будет слишком много, наступит акустический ад для всех. Однако сегодня уже появились малошумные ветряки, вращающиеся даже от незначительного движения воздуха, с какого бы направления оно ни приходило, и безопасные для птиц и летучих мышей.

У Советского Союза был богатый опыт постройки гидроэлектростанций. Поначалу это казалось очень экологичным способом получения энергии, поскольку выбросы как таковые отсутствовали. Но нега-

Агроботы никогда не устают, не делаются вдруг менее аккуратными, а главное – они позволяют разгрузить работу фермера. Фермер по сути превращается в оператора роботов и автоматов. Одна крестьянская семья даже при частичной роботизации своего хозяйства способна производить растительной, молочной и мясной продукции больше, чем средний совхоз.

тивные последствия для экологии тем не менее оказались значительными. Это и затопление территорий, а значит – переселение множества людей (вспомним здесь хотя бы «Прощание с Матёрой»), и заболачивание, и гибель рыб, и помеха нересту. Казалось бы, минигидроэлектростанции лишены таких серьезных недостатков. И всё же они есть. К тому же проблем, конечно, меньше, но и выход электричества тоже меньше. Однако сегодня существует замечательный проект гравитационно-водоворотной станции, в котором недостатки прежних ГЭС устранены. Австрийский изобретатель Франц Цотлёттер предложил не перегораживать реку плотиной, что,

безусловно, вредно, а отводить часть потока в специальный канал, направляющий воду к турбине. Турбина особенная: это бетонный цилиндр, к которому вода стекает по касательной. Образуется эффект водоворота. При этом лопасти движутся синхронно с водой, а не рассекают ее, благодаря чему рыба остается целой и невредимой. КПД такой станции высок. Цотлёттер на своей экспериментальной ГЭС получил 73 процента. Мощность мини-ГЭС достигает 9,5 киловатт. Это, конечно, вариант не для индивидуальной энергетики. Но крупное кооперативное хозяйство вполне могло бы взять такой проект на вооружение. Существует технология, поз-

воляющая конвертировать в электричество жар дровяных печей, которые всё равно еще долгое время будут оставаться обыденной повседневностью на селе. Современные электрогенерирующие печи – например, «Индиگیرка» – дают немного электроэнергии, но ее хватает на несколько энергосберегающих лампочек, питание ноутбука, зарядку гаджетов. При этом перед нами полноценная отопительно-варочная печка. Она греет, на ней можно готовить. Конечно, она не может быть основным источником электроэнергии, но как вспомогательный и в отдельных случаях экстренный генератор вполне сойдет. К тому же на «Индиگیرке» свет клином не сошелся. Если есть «Индиگیرка», могут появиться и более мощные печи. Особенно перспективным представляется гибрид такого генератора с традиционной русской печью. И если уж, например, небезызвестный Герман Стерлигов ратует за традиционную рус-

скую печь и в то же время выступает против ветряков из-за их шумности и солнечных батарей из-за проблем с их утилизацией, то почему бы ему не профинансировать такой проект скрепя сердце, как говорится, посотрудничать с «проклятыми колдунами-учеными» хотя бы в таком деле. Ведь сокращение потребления электроэнергии на селе при росте населения невозможно. Если мы хотим «русский миллиард» и «русские миллиарды», то нам придется признать, что для этого нужны мегаватты и мегаватты зеленого электричества. Конечно, гибрид русской печи с генератором нельзя назвать зеленой технологией, но это однозначно лучше, чем ТЭЦ, и на переходный период послужит отличным подспорьем.

Особо следует упомянуть геотермальные станции. Хотя это уже технологии совсем не для частного применения. Скорее, это забота государства о себе самом. Геотермальная энергия у нас буквально под ногами. Запасы ее практически неисчерпаемы. Особенно это касается территорий на краю континентальных плит, где земная кора тоньше. Например, на Камчатке и Сахалине нам сам бог велел строить такие станции. И они уже есть. Однако потенциал геотермальной энергетики пока у нас используется всё равно недостаточно. Пять станций работают чуть ли не в экспериментальном порядке. Весь российский Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края могут использовать эту даровую энергетику. Но здесь есть и определенная проблема. Геотермальные воды часто содержат соли токсичных металлов. Отработанные геотермальные воды ни в коем случае нельзя сливать в водоемы на поверхности. Эти воды должны возвращаться

в свой горизонт. Очевидно, что здесь требуются серьезные затраты и серьезное проектирование, поэтому для развития настоящего вида энергетики, конечно, должно быть принято государственное решение. Это не ветряк и не солнечная батарея.

Однако существует и такое доступное решение в области подобного рода энергетики, как геотермальные тепловые насосы. Эта технология основана на использовании разницы температур в земле и позволяет снизить расходы на отопление дома, осуществить подогрев воды, а также, например, теплиц. Как известно, на глубине 15–20 метров земля всегда имеет температуру 10–12 градусов – в любое время года. Почвенный коллектор, представляющий собой длинную трубу, погружается в землю (существует несколько вариантов укладки этой трубы, включая использование грунтовых вод или вод ближайших водоемов) и становится своего рода передатчиком тепловой энергии.

Сюда необходимо присовокупить, что существуют перспективные разработки, позволяющие трансформировать разницу температур, снимаемых такой трубой, в электричество. Кроме того, эту трубу можно также использовать как артезианскую скважину или ее дубль, что уменьшает расходы на бурение. Таким образом, мы решаем сразу несколько задач: чистая вода, холодная и горячая, центральное отопление, электричество. В принципе, это технологии активного дома, но о них следовало сказать именно в этом разделе, поскольку речь здесь идет также и о зеленом электричестве. Нет никаких сомнений в том, что эта технология будет незаменимой при самоколонизации Сибири и позволит превратить север нашей Родины в цветущий рай.

Русский культурно-цивилизационный стиль

Теперь следовало бы сказать о самом главном – о том, вокруг чего, как вокруг незыблемой оси, должно вращаться всё что было описано прежде. И если этого не будет, то вся описанная выше биономика – излишня и даже вовсе не имеет смысла, поскольку механическое продолжение существования ради существования – самое страшное, что может постигнуть русского человека. «Русского», разумеется, не в этническом отношении, ибо что это такое сегодня, определить довольно трудно, поскольку в древности под русскими понимались подданные русского царя, а сегодня мы живем при республиканском правлении, как бы к этому ни относиться. Поэтому сегодня правильнее было бы говорить о наследии великой русской культуры многонационального русского народа, питающем большой Русский мир, тяготеющий к многовариантной «цветущей сложности» (в смысле Константина Леонтьева) и всемирной «всечеловечности» (в смысле Федора Достоевского).

В основе русского бытия в XXI веке с неизбежностью должны лежать три наши главные традиционные культурные ценности: правда (устав), труд (уклад) и семья – если шире, то совет и собор (устой). Напомним, что мы начали этот большой очерк с вычленения в структуре уклада:

- ♦ культуры духовной (метафизика, традиции, ценности, социальные нормы, литература и искусство);
- ♦ культуры материальной (всего того, что в рамках текущего уклада произведено человеком);
- ♦ средств и способа производства (того, чем и как произвел всё это человек).

Отсюда видно, что уклад сам в себе – подобно матрешке

внутри матрешки — содержит подобное же тройное членение. Внутри уклада также есть свои устав, уклад и устой. Культура духовная — устав, культура материальная — уклад, средства и способ производства — устой.

Начнем с устоя, с семьи, так сказать, с тела будущего русского бытия. Русская семья, несмотря на всё то, что с ней пытались сделать в XX веке, тяготеет к традиционным семейным ценностям, пусть даже некоторые из них извращены и растоптаны такими практиками, как, например, серийные преднамеренные убийства по предварительному сговору (аборты).

Тем не менее русская семья находится в более благополучном положении, нежели семья западная, окончательный демонтаж которой осуществляется на наших глазах путем легализации однополых браков, усиления бесправия в семье мужчины, поспрашивания целомудрия и дозволенности прелюбодеяния как чего-то само собой разумеющегося. Не говоря уже о насаждении новейших ювенальных технологий.

Что касается преимуществ некоторых восточных и южных типов семьи, то все они перекрываются полным неприятием новозаветных слов: «Мужья, любите своих жен» (Еф. 5:25). Взамен там правят бал исключительно ветхозаветные слова: «<...> к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). Насилие, пытки и издевательства по отношению к женам и вообще к женщинам в некоторых странах Юга и Востока — совершенно в порядке вещей.

Православная цивилизация в этом отношении являла совершенно другой образец семьи, опираясь на слова апостола: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу <...>.

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5:22, 25). Здесь нет ни равенства, как на Западе, ни порабощения, как на Востоке и Юге. Причем Запад, после того как он отклонился от традиционной христианской модели, прошел в этом отношении три стадии: сначала дискриминация женщин мужчинами, затем суфражизм и нелепое «равенство полов», и наконец — дискриминация мужчин женщинами, что имеет сегодня место, увы, и в российском обществе: женщина может сделать аборт без согласия мужа, в случае развода суд всегда на ее стороне относительно раздела имущества, а дети после развода, как правило, достаются матери. На Западе это еще дополняется рядом других преднамеренно сфабрикованных дискриминационных концептов и следующих из них законов, навроде сексуального домогательства, которое, оказывается, может выражаться даже просто в «неприличном взгляде», который не понравился женщине, не говоря уже о слове или тем более действиях. В любых судебных разбирательствах суд заведомо на стороне женщины, и слово ее весомее.

Традиционные семейные ценности православной цивилизации являют не равенство или неравенство полов, а иерархию, основанную на признании различия функциональных особенностей мужчины и женщины. Женщина не может стать мужчиной, как белочка не может стать ежом — не потому что она плохой ежик, а потому что она белочка.

Феминистки и другие представители либерального сообщества тщатся представить «домострой» как некий аналог мусульманского или староевропейского «патриархата», как «мачистский» концлагерь для

женщины, ссылаясь на отдельные исторические примеры. Однако «Домострой» — это всего лишь учебник по домоводству, семейной экономике, живописующий традиционный образец традиционной русской семьи: что должен делать хороший муж и что должна делать хорошая жена: как, например, правильно солить огурцы или грузди. А любые примеры, факты — ничто без интерпретации. История XX века, казалось бы, должна была нас этому научить. Оценки разных событий, людей и явлений менялись в нашей стране так часто, что ценность любого факта, даже в данный момент происходящего на наших глазах, сегодня весьма сомнительна. Если говорить предметнее, то традиционные семейные ценности это:

- ♦ чадородие и многочадие, неприемлемость контроля за рождаемостью;
 - ♦ святость человеческой жизни от зачатия до естественной смерти, неприемлемость абортов и эвтаназии;
 - ♦ половозрастная иерархия, подразумевающая уважение к старшим, защиту младших, главенствующую роль мужчины-воина и труженика в обществе, почитание женщины-матери, нелицемерная любовь к детям и всеобщая забота о них;
 - ♦ целомудрие, благородство и супружеская верность;
 - ♦ знание своей родословной.
- Отношения в семье, как во внутреннем домашнем совете, проецируются на всё общество, давая основы для соборности — подлинной демократии, основанной не на компромиссе, не на праве большинства или тем паче на терроре меньшинства, а на единогласии, согласии, симфонии. Только такая крестьянская автаркия, только такая кооперация в России действительно преуспеет. Это то, что касается

устоя — иначе говоря, принятого устройства жизни в ее плотском, родовом, кровяном и телесном аспекте.

Однако, как заметил один современный профессиональный философ, будучи приглашенным на научную конференцию по вопросам биополитики и пронатализма, организованную одноименным институтом: просто размножаться во что бы то ни стало — «добродетель кроликов». Замечание справедливое, и это действительно глубокий философский упрек пролайфу, вознесшему жизнь как таковую на свои знамена и хоругви. Надо четко осознавать, что жизнь сама по себе не является целью бытия человека на земле. Школярский стилистический троп обретает здесь свое неожиданно свежее буквальное прочтение: «У кого нет в жизни ничего милее жизни, тот не в силах вести достойный образ жизни».

Разумеется, ничто не может быть оправданием для ее искусственного прерывания. Никакие соображения «целесообразности», «экономики», «прав женщины» здесь не могут браться в расчет, поскольку права на убийство быть не может ни у кого из людей. За пределы права может выходить лишь война, когда убивают, защищая жизнь ближних. Казнить смертью преступников может лишь суверен, Государь, а не демократическая республика. Дающий закон Государь превышает закон. Эта мысль прослеживается через всех теоретиков государственного права от Никколо Макиавелли до Карла Шмитта. Поэтому совершенно справедливо, что в некоторых республиках смертной казни нет.

При этом сама ценность жизни не может определяться, исходя из себя самой, поскольку над ней мы видим нечто ее превышающее и тем опреде-

В рамках набирающего силу шестого уклада США, Европа, Китай, Индия и Япония уже вступили в гонку технологий зеленой энергетики. Энергетика углеводородов будет уходить в прошлое. И те страны, которые позже других осознают безальтернативность альтернативной энергетики, окажутся проигравшими.

ливающее, определяющее. Это бытие духовное. Оно является источником жизни, и жизнь в конечном итоге к нему возвращается, как к своему источнику. Для нас, православных традиционалистов, сотериологический аспект, аспект перехода из жизни нынешнего века в жизнь вечную является важнейшим в жизненной телеономии, подобно тому как телеономия гусеницы — превращение в бабочку, телеономия яйца — превращение в курицу, телеономия эмбриона — превращение в человека. Жизнь вечная — вот что нас движет вперед. Возможно, вечность и есть то, что Аристотель называл энтелехией, некоей конечной целью. Так что гуманисту XV века Ермолаю Варвару во все незачем было искать дьявола, чтобы тот объяснил ему, что это такое и как это слово переводить на латынь. Достаточно было быть хорошим христианином. Жизнь вечная — она уже здесь и сейчас, «Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17:21). «Его же Царствию

несть конца», — как сказано в дораскольном Символе веры, что подразумевает вневременность духовного мира и Царства Божьего, которое не когда-то там будет, а было, есть и никуда не денется.

Исходя из этого, правдой и оправданием крестьянской автаркии должна быть духовная цель. Не кооператив, не община, не артель, даже не семья подлинно объединяет русских людей, а Церковь. «Русский — значит православный», — привыкли мы слышать. Кто-то, возможно, возразит, что наша страна многоконфессиональная и незачем так педалировать эту тему. Но речь тут идет о том, что именно православное византийское наследие явилось стовальным хребтом нашего государства и в конечном итоге — нашей культурной идентичности. Остальные народы и религиозные субкультуры внесли свой вклад в ее формирование, но не самый главный. Они как планеты, вращающиеся вокруг огромного солнца традиционных

Эль Греко. Святое семейство

Традиционные семейные ценности это: чадородие и многочадие, святость человеческой жизни от зачатия до естественной смерти, половозрастная иерархия, почитание женщины-матери, любовь к детям и всеобщая забота о них, целомудрие, благородство и супружеская верность, знание своей родословной.

православных ценностей. Где-то традиционные православные ценности могут совпадать с субкультурными ценностями других религий, где-то — нет, где-то может происходить их взаимопоглощение, взаимоассимиляция, они могут что-то перенимать друг у друга в культурном отношении, но совершенно очевидно, что эта

культура-цивилизация — православная, даже учитывая значительное число на сегодняшний день атеистов, неоязычников и прочих сектантов. Но даже они — люди внутренне православные, их нельзя сравнить с атеистами или язычниками Запада или Востока. Как бы они ни отрицали существование Божье, как бы

ни проклинали православие, внутренне они всё равно православные. Как внутренне православными были большевики. Они сколько угодно могли считать себя атеистами, убивать верующих и взрывать храмы, но они были православными русскими атеистами, поскольку это наш цивилизационный культурный код. Евангелие выжгло изнутри нас такую форму, которая, даже когда свет Евангелия для многих погас, понуждала двигаться в том же направлении всемирного братства и всемирной любви по инерции. Говоря одно, а делая другое.

Однако без подлинной духовной пищи стареющие культурные формы, некогда наполненные светонесущими евангельскими смыслами, постепенно превращаются в пустые мертвые скорлупы. А пусто место, позволим себе перефразировать известную поговорку, свято не бывает. На Западе этот процесс уже давно завершён. И мы видим, во что превращается общество, когда из него ушёл христианский дух. Какими бы полезными и облегчающими жизнь ни были человеческие изобретения, какими бы экологичными они ни представлялись перед нами, всё это только на погибель падшему человеку.

Поэтому в центре любого крестьянского поселения с неизбежностью должна быть церковь, и не только как здание: само поселение должно быть прежде всего крестьянской-христианской общиной, Церковью. До революции литургийный год формировал изнутри наш уклад, праздники, крестьянские обряды и сельскохозяйственные работы. В этом был залог здоровья общества, залог его самовоспроизведения и ежегодной обновляемости. Священник (выборный в допетровской Руси, представляющей идеал святости для русского человека) и

староста на селе были неким аналогом патриарха и царя. Ни одно серьезное дело не решалось без их согласия.

Сегодня у Русской православной церкви очень большие проблемы с заформализованностью — и у клира, и у мирян. Клир и мир отгородились друг от друга. Сама Церковь начинает пониматься как нечто отдельное от рядовых прихожан, только как церковная иерархия. Много ли сегодня приходов, где есть совместный труд, совместные трапезы? Сегодня в храм часто приходят как на некий бал-маскарад, наскоро прикрыв голову платочком из подручных средств и надев на лицо боголепную мину. Троекратно целуются и говорят друг другу «брат», «сестра». Сегодня это уже даже не лицемерие... В самом клире господствует любовначалие, любостяжание и такие грехи, о которых не хочется и поминать. Церкви необходимо вернуть живое, общинное измерение, каковое было у нее до революции, а еще лучше — до Раскола, пагубные последствия которого мы расхлебываем до сих пор — последствия, которые необходимо исцелить взаимным покаянием и взаимным прощением новообрядцев и старообрядцев.

Крестьянская автаркия с неизбежностью должна в основании своем положить духовное начало, устав, правду («Христос — Солнце Правды»). Наше подлинное бытие может быть только бытием воцерковленным. Или не быть вовсе. Воцерковленность означает следование уставу — богослужебному кругу, дневному и годовому. Подлинная воцерковленность — это устремленность к богослужебной полноте, традиционной каноничности икон и храмов, знаменного пения, а в итоге — и к каноничности быта. Нам нужно перешагнуть через те полуме-

ры, которые сейчас существуют в этом отношении, перешагнуть через археомодерн, прекратить цепляться за ложные ценности, воспринятые нами от Запада. Неважно, когда они были восприняты — вчера, два, три или четыре века назад.

Об этом стоило бы говорить много, гораздо больше, чем о другом. Но задача нашего очерка несколько иная, и нам надо двигаться дальше. Итак, мы говорили на сей раз о духе, о уставе.

Цели человека на земле не исчерпываются телесной и духовной сферами. Подлинный уклад представляет собой творческий труд, являющийся выражением души. Именно в укладе сказывается душа. В том, чтобы не просто спастись и не просто жить, а в том, чтобы жить непременно хорошо. Наши предки, которые стремились к этому, создали обычаи, ремесла и промыслы, художественные произведения. Они нашли форму, уложив в нее (отсюда уклад) спасаемую плоть. Эта форма — мостик, связующий биологическое существование (и его «добродетель кроликов») с жизнью будущего века.

Композитор и культурфилософ Владимир Мартынов, стоящий в целом на традиционалистских позициях, пишет, что нашей культуре предшествовала иконосфера. Под иконосферой, дистинктивно выделяемой из того, что мы обычно в целом понимаем под культурой, когда, например, говорим о культуре Древней Руси или культуре Византии, Мартынов имел в виду примерно то же самое, что Флоренский, когда говорил про культ, противопоставленный культуре.

В иконосфере невозможна дискотека (от слова «скот») и стадион (от слова «стадо»), невозможен «Дом-2», невозможны «Пусси райт» и «Синие

носы», невозможны куклы Барби и «Макдоналдс». И слава богу! Зато она дала вершины духовной художественной культуры, и поныне недостижимые. Понятно, что в иконосферу мы уже никогда при всем желании не вернемся. Как говорил культурфилософ Владимир Микишев, перифразируя загадку эдипова сфинкса, современный человек стоит на трех ногах, техника — его костыль. Мы вечерние люди и должны себе в этом отдавать отчет. Но мы можем сделать так, чтобы наши дети были лучше нас — ненамного, но лучше, а чтобы их дети были еще лучше. Для этого нужна осознанная целенаправленная и очень жесткая — даже, возможно, жестокая — культурполитика.

Формирование русского будущего, русского уклада в XXI веке неотрывно связано с развитием нашего аутентичного, незаемного культурно-цивилизационного стиля. Культуру спустя века обычно описывают и определяют по господствующим архитектурным канонам, по предметам быта. Если предположить, что нашу культуру-цивилизацию откопают через тысячу лет, то как ее назовут? Цивилизацией квадратно-гнездовых бетонных могильников? Культурой беспроводных гаджетов? В погоне за тем, чтобы всем нравиться, в страсти человекоугодничества мы растеряли свой культурный идиостиль, напялили на себя чужую одежду, позволили совершить над собой, а потом и сами совершили над собой псевдоморфозу. А ослик всё равно не станет ни бабочкой, ни даже ее куколкой. И совсем не потому, что он плохая бабочка.

Что единит современную застройку российских мегаполисов и нашу традиционную уникальную архитектуру, которой восхищаются и на Западе, и на Востоке, на которую едут

посмотреть в Суздаль, Кострому, Ярославль, Ростов Великий, Владимир? Правильный ответ: ничего. Нынешняя архитектура — архитектура манкуртов, глобалистская и постмодернистская. В лучшем случае это китч а-ля рус лужковского периода. Но Лужков хотя бы пытался что-то делать в этом направлении. Ну что ж, ему было не дано. Но у нас ведь есть прекрасные архитекторы, прекрасные скульпторы, декораторы, художники интерьеров. Почему же сегодня не существует современного русского стиля в архитектуре?

На это есть несколько причин. Это дорого, невыгодно, неэкономично — в отличие от бетонных многоэтажных курятников. Отсутствует государственный заказ. И последнее обстоятельство — пожалуй, решающее. Государство при этом должно осознавать, что без объединяющей наш народ самобытной культуры само государство не состоится. Того, что сегодня делается в нашей культурной политике, совершенно недостаточно. Нужна государственная консервативная культурная революция.

Наша относительно недавняя история, даже если оставить в стороне сталинскую «культуру-2», имевшую определенные аутентичные черты, содержит пример заботы государства о возрождении национального стиля. В 10-е годы XX века фактически по государственному заказу и фактически под контролем царской охраны было создано Общество возрождения художественной Руси, куда входили не только крупные ученые, издатели и государственные мужи, но и такие творцы, как Виктор Васнецов, Иван Билибин, Константин Маковский, Михаил Нестеров, Николай Рерих, Алексей Щусев. Общество занималось соби- ранием лучших образцов рус-

ской художественности. Дораскольная церковная и гражданская теремная архитектура, белокаменная резьба, изразцы, теремная роспись, глухая резьба, книжная миниатюра и так далее, и так далее — всё наше культурное наследие попадало в поле их зрения, рассматривалось чуть ли не под микроскопом. И не просто рассматривалось, а пересоздавалось и в буквальном виде, и вариативно, будучи образцом для подражания и развития. Ведь наша аутентичная культура так и не была развита. Она была сбита на взлете. У Запада была и своя архаика в искусствах, и своя зрелость, и своя дряхлость. Мы же не имели своей зрелости. Наши сирины, китоврасы, семарглы и алконосты не дожили до возраста европейских грифонов, мелюзгин, химер и горгулий. Наша зрелость была западной — как, например, в великой архитектуре Петербурга. Это прекрасная, но западная архитектура. Речь же шла о возрождении и продолжении нашего, родного.

Общество возрождения художественной Руси в лице одного из его организаторов — полковника Дмитрия Ломана — инициировало постройку в Царском Селе Феодоровского (Русского) городка, где и были воплощены эти по сути археоавангардистские идеи. В концертных программах Русского городка принимали участие создатель оркестра русских народных инструментов Василий Андреев, Сергей Есенин, Николай Клюев и многие другие знаменитые музыканты, поэты, актеры.

Родственную деятельность на полстолетия раньше осуществляла «Могучая кучка» (Милий Балакирев, Модест Мусоргский, Александр Бородин, Николай Римский-Корсаков, Цезарь Кюи, Владимир Стасов), фактически создавшая на основе русского

поэтического и музыкального фольклора, летописей и древней русской литературы русский национальный эпос. Но речь в первую голову не об эпосе, хотя и о нем тоже. Просто для нескольких поколений «Снегурочка», «Борис Годунов», «Хованщина», «Князь Игорь» и «Сказание о невидимом граде Китеже» были подлинным «телевидением», формировавшим ценности и погружавшим в национальную систему образов. То же можно сказать и о балетах Игоря Стравинского — «Весна священная», «Петрушка», «Жар-птица».

Страшно даже представить себе, что будет собой представлять поколение, воспитанное «Веселыми лесными друзьями», «Игрой престолов», «Аватаром» и прочими расчеловечивающими системами культурного перекодирования, когда оно войдет в зрелый возраст. Какое боевое или трудовое перевоспитание этим беднягам потребуется... При этом сегодня в обществе существует колоссальный запрос на народность. Это прежде всего увлечение подростков славянским фэнтези в литературе и компьютерных играх. Фолк-музыка у молодого поколения становится популярнее поп- и рок-музыки. Массовые и — главное — многочисленные этнофестивали сегодня представляют собой повседневную реальность. Стиль этно в одежде становится ультрамодным. И это, как правило, не реплики, а творческое развитие народного стиля. Образовалась особая неофолковая субкультура. Сегодня, к великому сожалению, тому художественного фольклора у нас в стране оседлали неоязычники, на которых как раз есть заказ — только с Запада. Это очень удобное неформальное сообщество, которое негативно относится к российским властям именно как

властям «христианским», якобы виновным во всех бедах наших предков — от «насильственного кровавого крещения» до легальности аборт. У этого неофолк-движения колоссальный антигосударственный потенциал. Если российские власти не перехватят тему неофолка у язычников, она с большой долей вероятности будет использована сетевыми агентами Запада как таран против нашей государственности.

И всё же, сетуя на современную российскую культурполитику, не хотелось бы впадать в излишний ригоризм и морализаторски заламывать руки — ни себе заламывать, ни тем более другим, поэтому перейдем сразу к практическим предложениям.

Если мы собираемся развивать автаркийное малоэтажное строительство, рано или поздно мы придем к распечатке домов на 3D-принтере. Теоретически это означает, что мы можем использовать как типовые, так и индивидуальные

В центре любого крестьянского поселения с неизбежностью должна быть церковь, и не только как здание: само поселение должно быть прежде всего крестьянской-христианской общиной, Церковью.

проекты для застройки. Всё упирается лишь во вкус и архитектурную квалификацию проектировщиков. Теремная архитектура может получить свою новую жизнь в крестьянской автаркии. Более того, учитывая концепции пассивного, активного и умного домов, внешний вид таких современных зданий может сильно измениться в силу определенных эргономических особенностей зеленого дизайна/дазайна.

Среди наук о жизни существует такая дисциплина, как бионика, она же биомиметика. Эта наука изучает возможности применения технологий живой природы в социологии, технике, архитектуре. Например, бионике мы обязаны молнией и липучкой, применяемым в производстве одежды. Бионика «подсмотре-

ла» у природы множество архитектурных решений. Например, структуры пчелиных сот оказались необыкновенно эргономичными в некоторых проектах как планировки, так и застройки.

Давно замечено, что в больших городах люди подвержены стрессу и психической нестабильности из-за несообразных с естеством однотипных, повторяющихся форм архитектуры (синдром «Иронии судьбы»). Возможно, пониженная фертильность в мегаполисах тоже связана с настоящим фактором. Данная тема еще только ждет своего исследователя.

Первые подходы к бионике мы видим еще в архитектуре Антонио Гауди, восхищавшегося готическим наследием Европы и перетолковывавшего его в бионическом ключе.

Сразу узнаваемые «оплывшие» органические формы — не подражаемые черты уникального архитектурного стиля Гауди. Идеи Гауди развивались разными архитектурными направлениями. Но свое подлинное функциональное продолжение они нашли именно в бионической архитектуре, своего рода стиле био-тек, как бы оторвавшегося от законов евклидовой геометрии. Формы бионической архитектуры часто напоминают гигантские растения и плоды. Самый, пожалуй, известный дом в стиле био-тек — лондонский «Огурец» архитектора Нормана Фостера. Архитектура — по сути, мондиалистская, расчеловечивающая человека через тему биологизации («человек — животное»), тогда как хай-тек расчеловечивает через тему механизации («человек — машина»). Но ничего подобного мы не найдем у того же Гауди, который отталкивается от традиционной европейской готики. И нам также следовало бы искать пути в архитектуре на стыке нашего старинного теремного зодчества и органической школы, бионики. Причем речь должна идти именно о малоэтажном строительстве. Градостроение знает множество типов застройки: прямоугольную, радиальную, радиально-кольцевую, лучевую, комбинированную и произвольную. Но так уж получилось, что во всех наших новых городах и в малоэтажной сельской застройке до недавнего времени господствовал прямоугольный тип. Как уже было сказано, «разлинованность» застройки неэргономична и давит на психику. Наши предки интуитивно это понимали. И там, где не было жесткого диктата относительно плана застройки, люди уходили от таких форм. Поэтому в старину на Руси преобладала произвольная — можно

даже сказать, хаотическая — застройка.

Но есть здесь и еще один важнейший — демографический — фактор, который как раз и обуславливал такой тип застройки. В многодетной семье, а таких было на Руси большинство, старший сын, когда собирался жениться, ставил себе дом неподалеку от родительского. Это объяснялось тем, что хозяйство всё еще велось совместно и часто продолжало вестись совместно довольно долгое время, по крайней мере, пока были живы родители и другие братья не женились (как образовывались новые трудовые семьи, подробно показано в работе Александра Чаянова «Крестьянское хозяйство»). Дом вблизи от родительского, а затем, возможно, и второй, и третий «взламывали» план застройки, улицы изгибались, прерывались тупиками, раздваивались. План застройки наших старых поселений, таким образом, представлял собой в некотором смысле историю и «карту» родов.

Сегодня мы можем спланировать застройку поселения бионическим образом — в виде скругленных линий или даже круга: с церковью и правлением общины в его центре, находящимися, возможно, рядом с коллективным прудом или площадью как местом схода общины. В таком случае каждое новое поколение будет получать своего рода «годовые кольца» — новые круги домов. Число детей будет расти, но и круг будет шириться и шириться. Или, если учитывать некоторые идеи бионики и пермакультуры, возможно, более эргономичными в плане ведения сельскохозяйственных работ будут даже не круги, а спирали. Не исключено, что спирали более будут подходить для аграрных и комбинированных поселений, а круги — например, для научных город-

ков, жители которых не специализируются на сельскохозяйственном производстве.

Кстати, если мы посмотрим на планы древних городов, содержащиеся в письменных источниках (например, Экбатаны) или подтверждаемые результатами раскопок (например, Аркаим), мы везде увидим радиально-кольцевую застройку. Прямоугольная застройка, вероятно, появилась в Индии в связи с членением общества на варны. То же самое мы видим и в Древнем Риме с его декуманусом (дорогой, ориентированной с востока на запад) и кардо (дорогой, ориентированной с севера на юг). Весь город делился на такие кварталы. И оттуда подобная традиция застройки городов пришла в Европу, а позже, в XVIII веке, и в Россию. При Екатерине Великой подавляющее большинство наших старинных городов было перепланировано. Аутентичная архитектурная Русь, подобно легендарному Китежу, скрылась под водой. Но в нашей культурной матрице бессознательно старая архитектурная Русь всё еще живет. И сегодня мы можем извлечь ее на поверхность, но уже в обновленном виде. Традиция и наука здесь будут действовать заодно. И у нас есть шанс сделать наш уклад в XXI веке не только праведным и сытым, но и прекрасным. А красота — это то, что прежде всего дает людям желание жить.

Шаги навстречу друг другу

Государству и малой автаркии (семье, артели, общине, кооперативу) необходимо понять, в каких формах возможно им эффективно взаимодействовать.

Должно быть движение кооперативных, артельных хозяйств навстречу государству, но и движение государства навстречу малой автаркии. Только

действуя вместе, сообщая, народ и власть смогут достигнуть большой автаркии, где они в конечном итоге сольются до неразличимости. Что, впрочем, дело весьма отдаленного будущего.

В чем же должно выразиться движение кооперативных хозяйств навстречу государству? Ну, во-первых, в том, что малая автаркия разгружает тяготы государства, редуцирует социальные дотации для села, поскольку община всегда поддерживает отдельные нуждающиеся семейные хозяйства. Во-вторых, в значительной степени такие хозяйства будут находиться на самообеспечении — по крайней мере, это касается жизненно важных продуктов. Более того, эти хозяйства способны стать продуктовым донором для всей страны, а также крупнейшим экспортером органической еды, что частично избавит нас от зависимости от мировых цен на энергоресурсы. Хотя со временем, по мере развития шестого уклада, этот фактор и не станет играть той решающей роли, какую он играет теперь. В-третьих, общины, будучи семейными, а по логике развития семейного хозяйства — и многодетными, окажутся демографическим фондом, человеческим потенциалом страны. В-четвертых, это повлечет за собой устранение имеющихся сегодня проблем с комплектацией армии. К слову, жители села, выросшие на здоровом воздухе и органической еде, с юных лет занятые физическим трудом, «кровь с молоком», что называется, сделают нашу армию несокрушимой не только с технологической точки зрения. Ну и, разумеется, окраины России, заселенные крепкими многодетными семьями, будут отбивать охоту и у прямых агрессоров, и у наших «партнеров», предпочитающих действовать тихой сапой, посте-

Композитор и культурфилософ Владимир Мартынов (на фото) пишет, что нашей культуре предшествовала иконосфера. Под иконосферой, выделяемой из того, что мы обычно в целом понимаем под культурой, когда, например, говорим о культуре Древней Руси, Мартынов имеет в виду примерно то же самое, что и Флоренский, когда говорил про культ, противопоставленный культуре.

пенно вытесняя и замещая коренное население. В-пятых, это, конечно же, налоги. Чем эффективнее хозяйство, тем больше попадает в государственную казну через систему налогообложения. Это же касается и демографического роста, неизбежного в настоящих условиях, что отмечал еще Чаянов. Больше людей — больше тружеников-производителей, больше тружеников-производителей — больше налогов, больше налогов — больше бюджет, больше бюджет — сильнее страна.

Что должно сделать государство для движения навстречу кооперативным хозяйствам? Во-первых — не мешать. Дать возможность развиваться самоуправлению на местах. А желательно бы и подтолкнуть

процесс, учитывая все выгоды от такого дизайна государства. Сельские территории, особенно на окраинах Российской Федерации — на Дальнем Востоке и в Сибири, — следует сделать территориями опережающего развития. Надо отдать должное — в этом направлении многое делается уже сейчас. Что касается невмешательства в самоуправление на селе — это замечательно. Но стихийная малая автаркия не так производительна, как направляемая. Поэтому задача государства: не вмешиваясь напрямую — в виде бюрократических структур, на корню убивающих инициативу, производство и рост, — «окультурить дичок», предоставить специалистов — своего рода советников на селе.

Во-вторых — помочь во всём, что касается продовольственной инфраструктуры. В силу особенностей районирования каждый регион имеет избытки и недостачу в различных продуктах. В одном месте, например, превалирует рыбное хозяйство, а в другом — садоводство. Государство, возможно, на первых порах должно выступить в роли посредника во внутреннем товарообороте. Нужны закупочные базы — пусть и не в шаговой, но всё же в доступности.

В-третьих — это социальная инфраструктура. В первую очередь, разумеется, больницы и школы, которые должны быть на селе действительно в шаговой доступности. Со временем речь встанет и о вузах в крупных социальных узлах городов. К тому же вопрос о возможности/необходимости дистанционного виртуального образования стоит на повестке дня уже сегодня. В-четвертых — транспортная инфраструктура. Это ключевой момент, без которого ничего не состоится. Важнейшее условие для поступательного демографического и экономического роста на селе — создание сети высокоскоростных трансконтинентальных транспортных нитей. Прежде всего поездов на магнитной подвеске, способных развивать скорость до 600 километров в час, а теоретически — до 1000 километров в час. Опять-таки теоретически подобные поезда-маглевы могли бы пересекать Россию с запада на восток (около 10 000 километров) меньше чем за сутки. Разумеется, такие скорости — дело не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня. Но эти магистрали начинать строить надо сейчас. Железнодорожные магистрали — артерии, в которых пульсирует живая кровь страны. Чем их больше, чем разветвленнее они, чем выше их провозная, пропускная способность, пас-

сажиропоток, скорость поездов, тем полнокровнее живет страна. За маглевами будущее. Идеальны они для самоколонизации Сибири. Экологичность этих поездов, движимых электричеством, убережет леса Сибири от загрязнения. Огромная скорость, развиваемая ими, позволит в короткое время преодолевать необозримые просторы востока нашей страны.

Не следует также забывать, что вся Сибирь, являющаяся для нас наиболее перспективной и стратегически важной на сегодняшний день территорией, пронизана естественными транспортными артериями — реками, глубокими и широкими. Речное судоходство во все века было основой русской логистики. В случае Сибири, где проложено мало железнодорожных путей и автомагистралей, его значение трудно переоценить и сегодня. Необходимо вернуться к позитивному советскому опыту постройки и эксплуатации скоростных судов на подводных крыльях.

Также на сегодняшний день существуют перспективные разработки ЦКБ Ростислава Алексеева и «ЭКИП» Льва Шукина. Речь идет об экранопланах и экранолетах. Особенно об экранолетах, немного напоминающих фантастические летающие тарелки. Если же говорить об экранопланах, существенно, что они не требуют дорог, мостов, взлетных полос, аэропортов, аквапортов. Они способны со скоростью самолета, но с гораздо меньшим расходом топлива переносить гораздо большие грузы и/или число пассажиров на значительные расстояния. Единственное требование — гладкая поверхность: тундры, степи, поля, моря, реки, озера — причем неважно, покрыты они льдом или нет. Экранопланы, давно существующие не только в

виде разработок, летают низко-низко над поверхностью, поэтому их в любом случае можно использовать в перевозках по рекам Сибири. Но у «ЭКИПов» (модель Л4-2) и таких ограничений нет: эта модель способна подниматься на высоту от 3 до 10 000 метров, что сопоставимо с авиацией, нести полезный груз до 200 тонн на расстояния до 8600 километров. Иначе говоря, перед нами и грузовое, и пассажирское средство перевозки, способное без пересадки осуществить перелет из Москвы практически в любую точку Российской Федерации и ближнего зарубежья. К тому же «ЭКИП» оснащен уникальным экологичным двигателем (отсюда и название: «экология и прогресс» — «ЭКИП»), работающим на особой водоземлемой смеси, содержащей до 58 процентов воды. Судя по проекту, двигатели также могут работать на керосине или даже водороде, получаемом фактически из обычной воды. Все эти качества делают «ЭКИП» совершенно незаменимым в условиях Сибири, как будто специально сберегавшейся для нас Богом от крупномасштабного освоения — до тех пор пока мы не перейдем к экологически безвредному топливу. Весьма перспективно новейшее дирижаблестроение. Проблема этого вида транспорта только в том, что он появился не в свое время. Катастрофы дирижаблей-гигантов — таких, как немецкий LZ129 «Гинденбург» (1937 год) и нескольких советских дирижаблей СССР-В6, — поставили крест на этом экономически крайне выгодном типе транспорта, способном без дозаправки и посадки совершать трансконтинентальные рейсы, по длительности превышающие 130 часов (свыше 5 суток), без значительных затрат, поскольку топливо не

расходуется на подъемную силу. Проблемы старых дирижаблей, однако, были в том, что в первой половине XX века, во-первых, в качестве наполнявшего их газа применялся взрывоопасный водород, во-вторых, отсутствовали надлежащие навигационные приборы, делавшие такие перелеты путем вслепую. Однако сегодня такие приборы есть, вместо водорода используется инертный гелий, а конструкции предполагают делать из сверхлегкого стеклопластика, что увеличивает грузоподъемность дирижаблей. Сегодня дирижабль может стать к тому же экологическим видом транспорта. Уже предлагалось оснастить их электродвигателями, а поверхности гондолы покрыть солнечными батареями. Теоретически такой дирижабль может совершить даже кругосветное путешествие без единой посадки, не израсходовав на это ни единой капли топлива. Особенно незаменимы такие дирижабли-гиганты были бы в Сибири. Причем как грузовые, так и пассажирские. К тому же они не требуют посадочных полос. Единственное требование для их разгрузки и высадки пассажиров — специально оборудованная причальная мачта, да разве что эллинги-ангары в крупных транспортных узлах. Заменой автомобилям в тех местах, которые недостаточно пронизаны транспортными «ручейками», — например, опять-таки в Сибири — могла бы выступить малая авиация, прежде всего гиропланы, или — как их чаще называют — автожиры («куда хочу — туда лечу»). Их строительство уже довольно развито и в России, и в целом в мире. Самые дешевые модели автожиров по ценам сопоставимы с ценой, скажем, нового «Хаммера». Расход топлива такой же примерно, как у внедорожников.

Константин Маковский. За чаем

Наша относительно недавняя история содержит пример заботы государства о возрождении национального стиля. В 10-е годы XX века фактически по государственному заказу и фактически под контролем царской охраны было создано Общество возрождения художественной Руси, куда входили не только крупные ученые, издатели и государственные мужи, но и такие творцы, как Виктор Васнецов, Иван Билибин, Константин Маковский, Михаил Нестеров, Николай Рерих, Алексей Щусев.

Автожиры идеальны для частных перевозок на относительно небольшие расстояния — до 500 километров. Их можно использовать для того, чтобы легко добраться до ближайшей станции маглева, оставить на специальной охраняемой парковке, а потом, на обратном пути, после заправки вернуться домой. Существуют гибридные автожиры, способ-

ные совершать посадку и на воду (винтокрылый аналог «летающих лодок»). Сегодня автожиры в основном используются охотниками, егерями, для фото- и видеосъемки, для развлечений. Между тем для Сибири это был бы идеальный частный транспорт. На сегодняшний день уже введены в эксплуатацию автожиры вертикального взлета и очень ко-

роткой посадочной дистанции (5–20 метров). Они не требуют постройки дорогостоящих посадочных полос и способны садиться практически на любую ровную поверхность. Вероятно, к тому же в ближайшие годы они будут сильно дешеветь и станут еще более доступными. Они могут со временем стать экологичным транспортом. Нам известен патент на автожир с электродвигателем. Есть, конечно, и минусы в эксплуатации автожиров. Связаны они в основном с тем мифом, что автожир так же прост в управлении, как автомобиль. Это, конечно же, не так. Хотя он во многом проще и самолета и, тем более, вертолета. К тому же это относительно безопасный летательный аппарат. Что связано с самим принципом его устройства. Даже если глохнет двигатель, винт раскручивается потоком воздуха, и это позволяет совершить более или менее мягкую посадку. Насколько нам известно, ни один из полетов на автожире еще не закончился смертельным исходом. Хотя сами автожиры при неумелом управлении или будучи самодельными — а значит, плохо просчитанными — часто выходили из строя при посадке. Но разбитая машина и человеческая жизнь — это не одна и та же цена. В любом случае автожиростроение надо развивать: только путем проб и ошибок можно научиться делать действительно абсолютно простые в эксплуатации машины, гораздо менее шумные, более экологичные и более грузоподъемные.

Также очень важно, чтобы повсеместно была распространена сотовая связь и быстрый Интернет. Это даст возможность управлять транспортными системами, электронными компонентами умных домов, не говоря уже об удаленной работе и дистанцион-

ном образовании. Причем эти вопросы уже сегодня довольно легко решаемы.

В-пятых — но по важности данный пункт, вероятно, самый главный — это уравнительная социализация земли. Будучи реалистами, мы прекрасно понимаем, что в настоящий момент государство ни при каких обстоятельствах на это не пойдет. Однако уже сейчас вполне возможно было бы реализовать такую экономическую модель в качестве пилотного варианта на особых территориях — территориях опережающего развития. Не имеет смысла сколь бы то ни было пространно описывать конкретные возможные модели. Любые наши построения натолкнутся на грубую стену реальности гораздо скорее, нежели всё остальное из предложенного нами.

Три столпа русского уклада в XXI веке

Крестьянская автаркия основана на деурбанизации и направлена на активное заселение обширных пустующих территорий, внедрение аграрного уклада на новом витке развития, обустройство экономико-культурных региональных узлов и налаживание высокоскоростных транспортных коммуникаций между ними. Это бытийная, онтологическая часть русского будущего, его душа. Мы понимаем, что в какой-то мере в рамках развития шестого уклада массовое вытеснение жителей городов на село неизбежно — в связи с отпадением устаревших средств и способов производства, а значит — и целого перечня профессий. Индустриальное производство будет всё более и более автоматизироваться. Так что жизнь на земле станет единственным способом выживания населения. Другой вопрос, каким содержанием будет наполнен шестой уклад.

Нам представляется, что крестьянская автаркия должна идти рука об руку с православным традиционализмом (приверженностью традиционным целям и ценностям нашей культуры-цивилизации — таким, как правда, труд и семья) и демографическим суверенитетом (продуктом позитивной государственной биополитики, направленной на процветание традиционной семьи, против абортот, контрацепции, ювенальных технологий, однополых браков, секспросвета). В этом и только в этом, на наш взгляд, залог здорового функционирования шестого уклада.

Крестьянская автаркия решает экономико-демографические задачи, создает возможности для погружения человека в годовую литургию труда, целит социальные болезни, возвращает от нездоровья к здоровью, в том числе и психическому. Но без обращения к традиционным ценностям, без традиционализма лишается смысла и ориентиров на конечные цели в этом мире — спасение в вечности и творческую самореализацию в мире этом. Без правильной демографической политики, позитивной биополитики крестьянская автаркия перестает быть самовоспроизводимой, вновь начинаются депопуляционные процессы, растет число абортот «за амбаром» и в банях, начинается использование «народной» контрацепции. Что касается зерен разврата, сексуальной распущенности, то они, взрастая, становятся самыми страшными сорняками — губителями цивилизаций. Не только библейский Содом был стерт с Земли сверхъестественным вмешательством. Тут даже нет нужды во вмешательстве высших сил. У нас перед глазами примеры Карфагена, где убивали детей, содомитских Рима и современ-

Антонио Гауди. Саграда фамилия в Барселоне

ной Европы, где всеобщее разложение нравов и нормализация извращений привели к депопуляции, ослаблению общества, армии, в целом человеческого потенциала, что способствовало приходу на их территории других — варварских — народов, не отягощенных «ценностями цивилизованного общества».

Итак, за крестьянской автаркией объективное будущее. Вопрос только в том, поможет ли государство процессу ее становления, будет ли проводить биопротекционалистскую политику или пустит ситуацию на самотек. Последнее было бы чревато социальными и экономическими потрясениями для всего российского общества.

Подводя итог

Сегодня в рамках не только зарождающегося шестого, но и предыдущих укладов накопилось большое число инноваций в самых разных сферах. Некоторые уже опробованы

Антонио Гауди отталкивается от традиционной европейской готики. И нам также следовало бы искать пути в архитектуре на стыке нашего старинного теремного зодчества и органической школы, бионики.

и развиты, другие только-только появились или находятся на стадии испытаний.

Кратко повторим их, выделив существенное:

- ♦ экономические инструменты (автаркия);
- ♦ социальные инструменты; технологии управления, взаимодействия и кооперации; информатизация на селе; работа в удаленном доступе;
- ♦ пермакультура; экологичная и эффективная технология обработки земли;
- ♦ автоматизация и роботизация на селе;
- ♦ экологичные пассивный, активный, умный дома; 3D-принтер-строитель; быстрое и дешевое строительство;
- ♦ экологичное получение и использование энергии солнца, ветра, воды и земли;
- ♦ новые и обновленные виды

дешевого, скоростного и экологичного бездорожного транспорта (маглевы, дирижабли, экранопланы, «ЭКИПы», автожиры);

- ♦ русский стиль; стилистический синтез архаики с авангардом.

Все эти инновации пока не интегрированы. Но только их синтез позволит сделать качественный цивилизационный рывок. Та страна, которая сделает его первой, окажется стратегической победительницей в культурном, экономическом, а в итоге и военном противостоянии цивилизаций, ибо и война — это прежде всего экономика. У России есть для этого колоссальный и властный, и экономический, и культурный, и — пока еще — демографический потенциал.